

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

НОЖ В СЕРДЦЕ РЕЙХА

ВИКТОР КАРПЕНКО

Окопная правда Победы. Романы,
написанные внуками фронтовиков

Виктор Карпенко

Нож в сердце рейха

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карпенко В. Ф.

Нож в сердце рейха / В. Ф. Карпенко — 2022 — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков)

ISBN 978-5-04-175648-2

Это был его первый настоящий подвиг. Семнадцатилетний сибиряк Федор Прокопенко вышел в тайге один на один с матерым медведем и в жестокой схватке победил зверя. Ну чем не повод досрочно призвать парня на фронт бить фашистов? Но не такая судьба была уготована Федору. Видя врожденную смекалку и настойчивость молодого охотника, командование определило его в школу подготовки офицеров-нелегалов для выполнения спецзаданий в глубоком тылу противника. Вскоре под видом немецкого бизнесмена Федор уже готовил операцию по похищению «отца» германской ракетной промышленности Вернера фон Брауна...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175648-2

© Карпенко В. Ф., 2022

Содержание

Часть первая	9
I. Охота	9
II. Школа	13
III. Омск – Москва	21
IV. Львов	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Карпенко

Нож в сердце рейха

© Карпенко В.Ф., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ВИКТОР КАРПЕНКО

НОЖ В СЕРДЦЕ РЕЙХА

МОСКВА 2022

*Моему отцу, командиру взвода дивизионных разведчиков,
младшему лейтенанту Карпенко Федору Федоровичу*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Часть первая

I. Охота

1

Снег накануне несколько подтаял, за ночь подморозило, и потому наст держал. Федор шел не спеша. Лыжи, подбитые лосиной шкурой, лишь подламывали тонкую ледяную корочку. Солнце еще не выглянуло из-за кромки леса, но небо было по-весеннему высоким, безоблачным, что предвещало хороший день. Лес медленно надвигался темной стеной. Крайние ели, словно стражи, стояли, набычившись, касаясь нижними лапами снежного покрова.

Чуть познабливало. Не от морозца, нет! От внутреннего волнения – предвестника предстоящей охоты. К этой охоте Федор готовился больше месяца. Шутка ли! На медведя! Может, он и не пошел бы, да военком достал: «Тебе еще и восемнадцати нет, потерпи. Окончи школу... Приходи через год, тогда и поговорим».

«Через год... Через год и война уже закончится... Нет! Я докажу, что со мной так нельзя... – накручивая себя, размышлял Федор. – Силой бог не обидел, ростом тоже, да и весом, почитай, центнер. А главное, с раннего детства в тайге: стреляю, что из «берданки», что из карабина без промаха, следы читаю, с дедом на пару неделями в тайге промышлял... А что мне лет семнадцать от роду, так то разве причина в армию не призывать. Тимоху-то Пронькина, не в пример, еле ноги волочит от слабосилья, а забрали. Несправедливо это! Неправильно!»

Медвежью берлогу Федор приметил давно. Самого зверя не видел, каков он: матерый или так, не очень. Выбрал же берлогу потому, что оказалась самой близкой от заброшенной просеки, по которой можно будет добычу вывезти из леса. Пока что Федор тащил за собой санки, чтобы было на чем шкуру и медвежью голову везти, а уж за тушей... у председателя колхоза придется просить лошадь. В том, что он завалит медведя, Федор не сомневался. Не раз видел, как охотники брали матерых на ножи. «Дело нехитрое, – продолжал он размышлять, ритмично переставляя лыжи. – Поднять медведя... а встанет на задние лапы, булаву ему в морду... и ножом в сердце... Главное тут, чтобы нож меж ребер прошел...»

Видеть-то Федор подобные схватки со зверем видел, но тогда на страховке у поединщика до пяти охотников было, а он сегодня один, некому его подстраховать. Война! В первый месяц почти всех мужиков из деревни побрали. И понятно! Охотники! Кому, как не им, воевать. С детства к оружию привыкшие. Отец тоже охотником знатным был, да не повезло ему. С медведем схватился один на один. Булаву-то, обитую медными шипами, он мишке в морду сунул, тот схватил ее, да, видимо, наколовшись, отпустил... и навалился на охотника. Только через двое суток истерзанное тело нашли. Но Федор об этом не думал. «Дед-то вон сколь матерых завалил, и ничего...» Правда сказать, дед был более двух метров ростом, весил сто сорок килограммов, и силушки на всю деревню хватало. Бывало, в праздник мужики напьются, задерутся, бегут бабы к деду: «Федор Федорович, уйми ты мужиков, не дай бог покалечат друг друга». И унимал. Подхватит оглоблю или жердину из изгороди выдернет и ну ею охаживать буйных. Федору-внуку еще ой как далеко до Федора-деда. Вот и сегодня... чуть свет пошел в тайгу, а деду не сказал. Отговорил бы старый или следом увязался. Хотя и могуч дед, а ему-то уж девяносто семь... Поберечь надо старого...

Вот и примеченное место. Меж двух ветром вывороченных с корнями сосен и устроил себе мишка берлогу – парок еле заметно вьется из-под снега, как раз меж корней.

«Спит косолапый, – усмехнулся Федор. – Ну, я сейчас устрою тебе побудку!»

Федор убрал в сторону лыжи, санки. Вскарabавшись метра на три на подсыхающую сосну, на сучок повесил карабин. Это на всякой случай. Коли завалить медведя не удастся, то дерево и карабин на нем могут спасти охотнику жизнь. На земле, тем более по снегу, от разъяренного зверя не уйти.

Из укромного места Федор вытащил лопату и принялся расчищать от снега место предстоящей схватки. Молодой охотник давно уже все продумал и даже длинную жердину, которой собирался будить зверя, приготовил заранее.

Отдохнув, он решительно взялся за очищенную от веток и от коры лесину.

Где находится вход в берлогу, Федор высмотрел давно и теперь безошибочно воткнул заостренный конец жерди сквозь засыпанные снегом ветки во что-то мягкое. «Попал, – радостно екнуло сердце, – с первого раза!» Молодой охотник принялся ворочать жердиной из стороны в сторону. Вскоре ледяная корка пошла трещинами, ветки, прикрывавшие вход в берлогу, с треском и комьями снега разлетелись в стороны, и хозяин берлоги с ревом показался из открывшегося черного зева. Свет ударил зверя по глазам, и тот отчаянно тер их, захватывая лапой снег. Вдруг он замер, увидев того, кто потревожил его сон. Взревев, он поднялся на задние лапы. Федор только и ждал этого момента. Он ткнул шипастой палицей медведю в раскрытую в оскале пасть и отдернул, опередив на какое-то мгновение могучую лапу зверя. Шагнул вперед, Федор еще раз ткнул палицей в медвежью морду. Зверь обеими лапами ударил по утолщению палицы, нанизывая их на острые треугольные грани шипов. От боли зверь заревел и еще сильнее сжал палицу. Федору показалось, что медные пластины, на которых находись шипы, лопнули. Извернувшись, охотник выхватил из-за пояса полуметровый нож и всадил его по самую рукоять зверю под левую лопатку. Медведь продолжал стоять.

«Неужто промазал?!» – запоздало мелькнуло в голове, но рассуждать было некогда. Федор метнулся к спасительному дереву. Через какое-то мгновение он уже был на сосне метрах в шести от земли и привычно передергивал затвор карабина. Страх не было. Он просто не успел испугаться.

«Только бы не дрогнула рука!»

Федор прицелился, метя в глаз зверю, который только сейчас разомкнул лапы и правой ударил по рукояти ножа, сломав ее. Из раны хлынула кровь. Сделав шаг, он захрипел и повалился на окровавленный снег.

Выждав какое-то время, Федор спустился с дерева и осторожно приблизился к поверженному зверю. Только сейчас он обратил внимание, насколько тот огромен, и только сейчас пришло осознание содеянного. «Оступись или окажись медведь чуточку проворнее, и не он, а я бы сейчас лежал на окровавленном снегу».

Освежевать лежащего медведя, как планировал Федор ранее, не представлялось возможным, а подвесить его за задние лапы и потом снять шкуру не хватило бы сил, да и веревку с собой он взял короткую. Забросав добытого зверя снегом, чтобы не так быстро остывала туша, молодой охотник устремился в обратный путь.

Председатель колхоза поначалу не поверил, что семнадцатилетний, пусть даже крупного телосложения, парень завалил матерого медведя, но, поразмыслив, дал не только лошадь, но и отрядил двух мужиков-охотников. Каково же было его удивление, когда троица вернулась. Медведь был настолько большим, что задние лапы, свисая с саней, волочились по снегу.

Прослышав об удачной охоте, дуплинские к зданию сельсовета собрались быстро. Окружив сани, женщины охали и ахали, всплескивая руками, мелкота крутилась, верещала тут же и, стремясь выказать бесстрашие, таскала медведя за уши, тыкала пальцами в ноздри, девочки, собравшись отдельной стайкой, щебетали о чем-то своем, не без интереса поглядывая на Федора, словно впервые его видели, опытные же охотники похлопывали его по плечу, приговаривая: «Молодец! Хорошего зверя взял!» Дед пришел одним из последних. Поглядев на тро-

фей внука, лишь осуждающе покачал головой. Отойдя в сторону, смахнул слезу и больше для себя, нежели чем для стоявших рядом соседей, сказал: «Силушкой бог наделил, а ума не дал!»

2

Вызова в военкомат Федор ожидал с нетерпением, но и побаивался: «Чего еще там рай-военком удумал?!»

Но, войдя в кабинет и увидев улыбающегося майора Фирсова, просветлел и сам.

– Ну что, герой, неужто верно народ рассказывает: под четыре центнера медведя завалил? Да-а. Не всякому опытному охотнику такое под силу. И что, ножом?

Федор, засмуцавшись, кивнул.

– Кто бы рассказал – не поверил. Но мне ваш председатель шкуру показывал. Хороша, хотя и не выделанная еще. Меха плотный. Да и сальце, поди, зверюга еще не все сжег, март только начался. А ты чего у двери топчешься? Проходи, садись, – широким жестом майор указал на стул. – Я вот для чего тебя пригласил... Ты в армию-то еще не раздумал идти? А то председатель ваш, хотя тебе еще год до восемнадцати, а он уже о брони на тебя печется. Говорит, место работы подыскал – механиком на маслозавод.

– Нет, – мотнул головой Федор. – Только на фронт.

– Я так и думал. Парень ты упертый, целеустремленный, потому помогу. С заведующей районо договорился: свидетельство об окончании школы выдадут досрочно. Да и не велико нарушение – до окончания учебы осталось всего два месяца. А вот справку с нужным годом рождения только сельсовет выдать может. Пусть твой дед переговорит с председателем. Ему-то уж, верно, он не откажет. А Федору Федоровичу скажи, что, мол, майор Фирсов направит тебя в офицерскую школу в Новосибирск. Шесть месяцев учебы... Офицером станешь. Дед знает, мое слово верное.

Возвращаясь из района, Федор всю дорогу прокручивал варианты разговора с дедом. Как-то он поведет себя, узнав, что с военкоматом вопрос решен и осталось только в сельсовете справку выправить. Поможет ли? Строг дед. Решив однажды, что бык, упрется рогом в землю – не столкнуть. А то еще... несмотря на то что внук вымахал ростом, может и наподдать. Но не тумачков страшился Федор, ему-то не впервой. Бывало, на праздниках с соседскими парнями из Соколовки сходились дуплинские молодцы стенка на стенку – и ему доставалось, и от него тоже перепадало. Боялся же он, что дед запретит ему идти в армию. Скажет, чтобы ждал своего года призыва, и уже тогда проси не проси его, своего решения не изменит.

За ужином дед молчал, лишь изредка из-под нависших бровей поглядывал на внука. Видел, что тот мается, не решаясь начать непростой разговор. Сам-то Федор Федорович еще по возвращении внука из района по его восторженным глазам понял, что военком сдался, догадался и о чем пойдет речь, но помалкивал. Лишь когда с ужином было покончено, а внук так и не решился на разговор, спрятав усмешку в бороду, сказал:

– Я договорился с председателем колхоза: лошадь дает на два дня. Будешь перевозить сено для нашей коровки с дальнего покоса...

– Да я же... – начал было Федор, но дед его перебил:

– Перевезешь сено, а потом иди воевать, не держу. В нашем роду от войны не бегали: ни прадед мой, ни дед, ни я. Две войны прошел – Мировую и Гражданскую. На Финскую вот только не взяли, стар, говорят.

– Деда, а с документами поможешь?

– Помогу. Выправим тебе бумаги.

Через неделю Федора провожали в районный военкомат. Пришли парни из класса, девчонки, правда, не все. Но Анна, что ему последние два года нравилась, была среди одноклассниц. Проводы прошли как-то тихо, по-деловому, без песен и самогонки. Дед несколько раз обнес медовой брагой гостей, сказал внуку напутствие, на том и разошлись. Понятно... шел март 1942 года. Уже больше десятка семей в деревне получили похоронки. Не до веселья.

Федор, провожая Анну, лишь у самой калитки поцеловал ее впервые: торопливо, неумело, в краешек губ.

– Я дождусь, ты только вернись, – проговорила она тихо. – И за дедушкой твоим присмотрю... Ты за него не тревожься. И вот еще что, – отстранившись от Федора, строго заговорила девушка: – Я за столом молчала, но теперь скажу: немцы не медведь, перед ними удаль молодецкую показывать незачем, не оценят. Отец с фронта пишет, что лютуют фашисты. От Москвы их погнали... но это только начало. Ты – охотник, тебе ли не знать, что раненого зверя опасаться более всего надобно. Так что войу с опаской, береженого и бог бережет!

Анна решительно обхватила голову Федора, наклонила и поцеловала... долго, страстно, по-настоящему.

«Вот те и тихоня! – мелькнула мысль. – И говорит толково!»

Стояли, обнявшись, еще часа два. Говорили мало, больше целовались, а расстались, лишь когда ноги в валенках замерзать начали и щеки загорелись не от страсти, а от мороза. Зима не хотела уступать весне. Март. А в марте еще и морозы, и метели... Сибирь, и этим все сказано.

3

Майор Фирсов, вручая предписание, напутствовал:

– Начальник школы – мой друг, вместе на Дальнем Востоке службу начинали. Я ему о тебе написал. Так что ты меня не осрами, учись хорошо, на фронт не рвись, еще успеешь. Война, судя по всему, будет затяжной. И вот еще что: едешь один, в сопровождающие давай некого. Здесь на поезд посажу, а уж в Новосибирске воинскую часть ищи сам. Обратись к военному коменданту, поможет.

Через четыре часа Федор уже ехал в переполненном вагоне пассажирского поезда и смотрел в окно, за которым сплошной черной полосой проплывал лес, лишь изредка разрываемый огнями маленьких станций.

То, о чем мечтал последние полгода, свершилось: он едет на фронт. Хотя еще не совсем на фронт, но скоро там будет. Почему же нет радости, а на душе тоскливо? Не потому, что на фронте могут убить. Нет. Смерти Федор не страшился. По молодости уверен был, что она его минует. Тогда почему? Из-за деда – единственного родного человека, связывавшего его с родной деревней, с прошлой жизнью? А может, из-за Анны? «Чего же я, дурак, ходил так долго вокруг да около... Когда теперь встретимся?»

II. Школа

1

В Новосибирск поезд пришел рано утром. Вокзал еще не шумел, не горел своей суетливой жизнью, хотя в зале ожидания яблоку негде было упасть. Половину зала занимала воинская команда, ожидая сборного эшелона из Барабинска, на лавках, а большинство на полу, подстелив под бок что придется, расположилась гражданская публика: кто сидел, кто спал, а кто тихонько разговаривал.

Военного коменданта Федор нашел быстро. Предъявив предписание, попросил помочь. Усталого вида капитан, возвращая документы, сказал:

– Повезло тебе, парень. В шесть утра машина должна прийти из воинской части, которая тебе нужна. Так что будь поблизости.

Не успел Федор еще отыскать себе место, как рядом с ним оказался мужичонка лет сорока, в телогрейке, шапке-ушанке, вида неприметного, заросший волосом, как говорится, по самые брови.

– Иди за мной. Дело есть, – проговорил он мимоходом и направился к еще не занятому никем простенку возле полуколонны.

Федор последовал за ним, недоумевая, зачем он тому понадобился.

– Я видел, как ты разговаривал с комендантом. На призывной пункт собрался? – озираясь по сторонам, спросил мужчина.

– А тебе что до того? – насторожился Федор.

– Хочу предложить выгодное дело: на призывном все вещи отберут, переоденут в военку, а на тебе такой тулуп... Загляденье, а не тулуп.

– Да. Дед шил. Из медвежьей шкуры...

– Так вот я и говорю: зачем такое добро даром отдавать. Складские все равно его за водку на сторону загонят. Давай меняться: я одежонку попроще найду тебе по плечу, да еще денег накинута. В обиде не будешь...

– Нет, – решительно боднул головой Федор. – Иди, куда шел!

– Как скажешь. Только я хотел по-хорошему.

Вскоре мужик уже был у выхода из вокзала.

– Правильно сделал, что его отшил, – подала голос сидевшая на узлах пожилая женщина. – Тут, на вокзале, немало шушеры всякой ошивается. Все норовят что-нибудь умыкнуть. Народу-то много...

– А как же патруль? – кивнул Федор в сторону проходивших военных с красными повязками на рукавах шинелей.

– Военные-то? Так они все больше за солдатами присматривают. Им не до воришек... О! – кивнула в сторону женщина. – Уж не по твою ли душу компания...

Федор скосил глазом: перешагивая через расположившихся на полу пассажиров, в его сторону направлялись трое – два дюжих коренастых мужика, похожих одеждой на путейских рабочих, а третий – уже знакомый ему прилипало. Подойдя вплотную, один из путейских хрипло выдавил:

– Сымай, паря, тулуп. Он тебе ни к чему, а нам сгодится. Будешь артачиться, подколем. А ты, баба, молчи, коли жить хочешь, – пригрозил он ножом приподнявшейся было с узла женщине.

Федор понял, что разговорами дело не закончится. Поэтому поступил, как в драке, на опережение: перехватив левой рукой запястье противника с ножом, кулаком правой обрушил

удар сверху на голову, но не напавшему, а его напарнику. Да так сильно, что тот, хрюкнув, повалился на женщину, что сидела на узлах. Та с испугу закричала, привлекая внимание пассажиров и военных. Между тем Федор, не выпуская руки с ножом оторопевшего от подобной ситуации хрипуна, ударом ноги, обутой в подшитый толстой резиной валенок, отбросил стоявшего напротив волосатого, и только после этого вывернул руку нападавшему. Тот, взыв от боли, согнулся и выпустил нож. Удар кулака по загривку оборвал утробный рев. Все произошло настолько быстро, что женщина от неожиданности, охнув, прикрыла ладонью рот.

– Что здесь происходит? – требовательно спросил подбежавший на крик женщины начальник патруля, выхватывая из кобуры пистолет. С автоматами на изготовку за ним следовали двое сержантов-патрульных.

– Да вот, – повел рукой Федор в сторону поверженных мужиков, – хотели тулуп с меня снять.

– Да грабители это, товарищи военные, – подскочила женщина. – Они на него с ножом... Я все видела и слышала. Ограбить они его хотели.

– Так, разберемся. Вы кто? – обратился начальник патруля к Федору. – Ваши документы!

Привлеченный шумом, подошел военный комендант. Увидев валяющийся нож, поднял его и, кивнув на еще не пришедших в себя грабителей, спросил у начальника патруля:

– Обыскали?

– Нет еще, товарищ капитан. Сигин, обыщи этого, – приказал начальник патруля одному из сержантов, указывая на Федора.

– Да не этого. Этого я знаю. Этих, – показал комендант на лежавших налетчиков.

При обыске у одного из мужиков нашли пистолет.

– Вот это путейцы... – удивленно протянул Федор.

– Почему путейцы? – поинтересовался комендант.

– Так одеты, как путейские рабочие.

– А чем это ты их так приложил, что до сих пор в отключке?

– Кулаком, – недоуменно пожал плечами Федор. – Просто у меня рука тяжелая. Иногда в драке в горячке стукнешь кого по башке, так того по получасу потом водой отливают. А эти ничего, мужики крепкие, очухаются...

– Вот что, старлей, – обратился комендант к начальнику патруля. – Вызывай милицкий наряд и передавай этих им. Вооруженный разбой – это их дело. А парня я забираю, а то он еще кому-нибудь тут голову проломит. – И, обращаясь к Федору, предложил: – Пошли к дежурному по станции, чайку выпьем, пока есть полчаса до прихода машины из воинской части.

2

Как оказалось, офицерская школа находилась за городом в сосновом бору, и если бы не оказия, найти ее Федору самостоятельно было бы непросто. На въездных воротах висела табличка «Пионерский лагерь имени Павлика Морозова», а над воротами дугой замыкал столбы транспарант «Добро пожаловать!».

На контрольно-пропускном пункте даже после предъявления предписания Федора не пропустили. Только известив командира части и получив его разрешение, дежурный по КПП пропустил Федора, дав ему сопровождающего.

«Строго тут у них...» – одобрил мысленно Федор и, не сдержавшись, спросил:

– А где же народ? Время-то уже около девяти...

– На занятиях, – коротко ответил сопровождавший его рядовой. – Тебя велено в штаб, к командиру части отвести.

– Командира-то как зовут?

– Будешь служить, узнаешь. А не будешь, так и знать не положено, – усмехнулся рядовой. – Пришли, – открывая двери одного из барачного типа деревянных зданий, произнес рядовой. – Вторая дверь слева. Стучи смелее. Я тебя здесь подожду.

Командир части, в военном френче без знаков отличия, не без интереса разглядывал Федора. Ему уже позвонили из железнодорожной комендатуры об инциденте на вокзале, а за день до того он получил коротенькое письмо от майора Фирсова с рассказом о желании парня служить и об охоте на медведя. И теперь Федор Прокопенко стоял перед ним: здоровенный в своем медвежьем тулупе, валенках, с вещмешком за спиной и шапкой-ушанкой из лисы в руке.

– Снимай свой тулуп и присаживайся. Я – начальник школы майор Сергеев. А ты, судя по предписанию, Федор Федорович Прокопенко, уроженец деревни Дуплинка. Отец?

– Федор Федорович – погиб.

– На фронте?

– Нет, товарищ майор. Пошел на охоту и не вернулся – медведь задрал, – пояснил Федор.

– А матушка?

– Умерла при родах. Так что я был первым в семье... и последним. Потому и зовусь Федором Федоровичем. В роду Прокопенко все старшие сыновья Федоры.

– А ты что, из хохлов? Фамилия у тебя украинская...

– Да нет. Из донских казаков. Дед сказывал, что когда в екатерининские времена пошло гонение на Дон, мои родичи ушли в Сибирь, в Дуплинке и осели.

– Оно как! Так ты жил один?

– Почему один, – удивленно протянул Федор. – С дедом. Ему хотя и девяносто семь, но два года тому еще на медведя с ножом ходил.

– Как и ты?

– И я тож, – кивнул Федор. – У нас так, пока медведя не завалишь, не охотник! Я неделю тому своего взял...

– Наслышан, до самого Новосибирска весть о твоей охоте докатилась, – рассмеялся Сергеев, глядя на вытянувшееся от удивления лицо Федора. – И о твоей схватке на вокзале тоже известно. Ты как же умудрился с тремя совладать? Мужики не простые, тертые... На одном из них крови немало, давно этого рецидивиста милиция ищет... А вот другого так и не откачали... мелкого. Ты ему ребра сломал.

– Неужто убил?! – дрогнул голосом Федор. – Я же его только легонько ногой поддел... И что же теперь будет?

– Успокойся. Ничего не будет. Ты же защищался от трех вооруженных преступников. Тут проблема в другом: что мне с тобой делать? Учебный курс уже идет второй месяц.

– Так что с того... В школе я был одним из лучших, наверстаю упущенное, – заверил Федор, на что майор Сергеев заметил:

– Ты хотя бы знаешь, в какую школу получил направление?

– В школу младших командиров.

– А кого готовят?

– Как кого? Командиров... – недоумевая, пожал плечами Федор.

– Все так. Только готовим мы офицеров – командиров разведывательных взводов. Разведчиков, – и, видя, как у парня загорелись глаза, решительно произнес: – Сделаем так: инструкторы тебя проверят. Коли пройдешь по здоровью, знаниям, умению стрелять, бегать, ориентироваться в лесу... приму в школу. Курсанты-то у нас понюхали порошу, опытные, попали к нам по направлениям разведотделов дивизий. Ты же, как говорится, с улицы. Не пройдешь проверку, не обессудь – отправлю в войска.

Начальник школы стремительно встал из-за стола и, приоткрыв дверь, подозвал пришедшего с Федором рядового:

– Отведешь новичка в строевую, потом в баню, на вещевой склад, затем в столовую. А я пока решу, в какой учебный взвод его определить. Да передай дежурному по КПП, что по моему приказу ты до обеда выполняешь спецзадание.

Федора постригли, помыли, переодели, с трудом найдя нужный размер, а вот шинели его размера не нашлось, и потому на первое время ему оставили медвежий тулуп. Из-за этого тулупа к нему тут же прилипла кличка Медведь. Кличка не обидная, даже, по мнению Федора, уважительная. Определили его во второй взвод. Ближе к вечеру вызвали к начальнику штаба капитану Самсонову, который привел Федора к воинской присяге тут же, в своем кабинете.

Взвод принял Федора настороженно. Такого еще не было, чтобы с гражданки, необстрелянного, опоздавшего к началу курса обучения на полтора месяца, зачисляли в курсанты. С вопросами не надоедали, решив, что Федор чей-нибудь сынок или внучок.

Первые дни новичок занимался один на один с инструкторами, которые передавали его с рук на руки. Держался Федор достойно, даже если и допускал промахи – не терялся, тут же исправлялся.

На исходе второго дня, после последнего испытания – лыжной гонки на двадцать километров с полной выкладкой, майор Сергеев пригласил в кабинет инструкторов.

– Не буду скрывать: интерес у меня к этому парню большой, но, как бы то ни было, все зависит от того, насколько он изначально подготовлен. Начнем с вас, лейтенант Скобцов. Докладывать можно сидя, – разрешил начальник школы.

– Товарищ майор, парень – стрелок от бога. Что и говорить, охотник. Из карабина и винтовки пуля в пулю вгоняет. С пистолетом похуже. Просто никогда его в руках не держал. Из автомата короткой очередью из трех патронов мишень валит.

– Как с ориентированием?

– Карты ему неведомы, но в лесу не теряется, идет уверенно, ориентируясь по солнцу и еще по каким-то только ему ведомым приметам, – доложил преподаватель по военной топографии капитан Немов.

– Что с иностранным языком?

– Получше, чем у многих курсантов, но все же не далее школьной программы, – со своего места доложила преподаватель немецкого Инна Фридриховна Зегель.

– Со здоровьем у него все в порядке... – улыбнулся начальник школы.

– Здоров, что бык! – подал голос инструктор по рукопашному бою и физической подготовке. – Двадцатку шел так, что я за ним с трудом угнался. Двужильный парень! – не без восхищения заметил он.

– Да, парень хорош. Три дня тому трех бандюг на вокзале под орех разделал. – Помолчав, добавил: – Ваше мнение – догонит Прокопенко учебную программу? Отставание приличное...

– Догонит, – уверенно произнес капитан Немов. – Парень смывленный, упертый. Поможем, ежели чего.

– Что же... Начальник штаба, зачисляй во второй взвод. И последнее, курсантам этого знать не обязательно, вам же скажу: Федору Федоровичу Прокопенко только семнадцать. Так что нагружать нагружайте, но не переусердствуйте, – предупредил майор Сергеев.

Так решилась судьба Федора. Он стал курсантом разведшколы, готовящей по ускоренной программе, даже не за полгода, а за четыре месяца командиров разведвзводов и разведрот полков и дивизий.

3

При виде упорства, с каким овладевал знаниями и навыками Медведь, лед отчуждения вокруг него потихоньку начал таять. Первым, с кем подружился Федор, был сосед сверху, со второго яруса двухъярусной кровати – Степан Репнин. Ему уже было двадцать шесть, на

фронте с первых дней и даже получил легкое ранение. После госпиталя направили в разведшколу. Степан был женат и потому каждую свободную минуту писал жене письма. Доброжелательный по характеру, он быстро сошелся с Федором, подшучивал над ним, над его ростом, недюжинной силой, над его житейской мудростью. Как-то он прочитал ему одно из только что написанных писем и спросил, почему тот никому не пишет. На что Федор ответил:

– Деду своему отписал, а более некому.

– Что, и девушки нет?

– Есть, да не знаю, что ей написать. Через деда привет передал, чего еще?!

– Эх ты, сказано Медведь! Да разве привета она от тебя ждет? Слов ласковых, воспоминаний приятных, заверений в верности и любви...

– Да какая там любовь? – возмутился Федор. – Нацеловаться толком не успел...

– Ну-ну... – усмехнулся Степан. – Тогда сиди пень пнем, а лучше – Медведь Медведем!

Наконец, решившись, Федор написал: *«Здравствуй, дорогая Анна. Привет твой через деда получил, за что большое спасибо. У меня все хорошо. Жив-здоров, чего и тебе желаю. Учусь воинским наукам. Кормят здесь хорошо, высыпаюсь. Вот и все новости. Передавай привет всем нашим ребятам-одноклассникам. Кланяюсь. Федор».*

Перед тем как отправить, дал прочитать письмо Степану. Тот, ознакомившись, рассмеялся:

– Ты что, никогда писем девушкам не писал?

Федор мотнул головой.

– Оно и видно. Разве так пишут: «...кормят хорошо, высыпаюсь...» Ты бы еще написал, что регулярно водят в баню и меняют портянки.

– О чем же тогда писать? – недоумевая, протянул Федор.

– О том, чего она от тебя ждет. Что думаешь о ней постоянно, забыть не можешь горячие ее поцелуи, запах ромашки в ее волосах... Сушеной ромашкой, поди, голову-то моет? Что во время уроков с нее глаз не сводил...

– Так я сидел на последней парте, а с нее Анну не видно.

– Чудак-человек. Придумай что-нибудь, – поучал Степан. – С тебя станется, а ей приятно. С подружками будет чем поделиться... У них же поохать да поохать – первое дело.

Задумался Федор. Распознать следы на снегу, описать повадки животных и птиц ему по плечу, а вот с чувствами к девушке, да все это на бумагу положить – дело непосильное. Благо, что думать об этом некогда. За занятиями – не до писем.

К концу апреля курсанты все больше времени проводили в лесу, на полигоне, на стрельбище. Федор воспринял это с превеликой охотой. Занятия же в классах переносил с трудом: уж больно тяжело ему было изучать уставы, особенно заучивать целые страницы, наставления по стрельбе, фотографии с образцами немецкой, итальянской и румынской военной техники, но самым трудным для него оказался немецкий язык. Обладая цепкой памятью, Федор верно выстраивал предложения, но произношение... Не раз он слышал от Инны Фридриховны: «Поверь, Федор, знание языка не одному разведчику спасало жизнь, и тебе поможет в трудную минуту! Учи!» И Федор учил. Даже сквозь сон он нередко выкрикивал фразы на немецком, будоража пребывающих в дреме дневальных.

Из всех занятий больше всего ему нравились занятия по рукопашному бою. Здесь он впервые услышал про «стиль Кадочникова» и узнал, что такое джиу-джитсу. Несмотря на звание – «лейтенант» и возраст – двадцать семь лет, инструктор по рукопашке был фанатом восточных единоборств и даже два года перед войной успел пожить в Китае и потренироваться у именитых мастеров. Невысокого роста, худощавый, он безжалостно расправлялся с сильным и рослым Федором, всякий раз бросая его на землю. Федор поначалу удивлялся, потом злился, но через несколько занятий понял, что главное не сила, а умение ее использовать, и начал

упорно постигать науку рукопашного боя, жалея об одном, что дни учебы неудержимо текли, приближая выпуск.

Из шестидесяти курсантов, начавших в феврале курс обучения, к концу мая дошли сорок шесть, остальные, не выдержав нагрузки, были отправлены в части, откуда прибыли. За неделю до выпуска курсантов вывезли за сорок километров в лес, с задачей вернуться в школу, имея в руках лишь карту и компас. Каждый получил свой маршрут движения и время выполнения задачи. Вернулись не все. Курсант Леушин не пришел в указанный срок. Лишь через четыре часа забили тревогу: заблудился – позор для выпускника, дезертировал – позор на всю школу. На поиски Леушина курсантов не привлекали – дали отдохнуть, ведь каждый из них прошел сорок, а кто и более километров. Для этой цели из Новосибирска вызвали комендантский взвод. Маршрут движения был известен, потому приняли решение: от места выхода двигаться плотной цепью.

Федору не спалось. Да и как можно... если товарищу нужна помощь?! У преподавателя по тактике и военной топографии он выпросил маршрутную карту Леушина и, наложив ориентиры на топографическую карту, изучил маршрут движения.

«С рассветом комендантский взвод приступит к поиску, надо его опередить!», – решил Федор и направился в штаб.

Дверь в кабинет начальника школы была открыта, горел свет. Майор Сергеев с начальником штаба и командиром комендантского взвода склонились над столом, застеленным картой, и уже в который раз проходили по маршруту движения Леушина.

– Разрешите? – громыхнул голосом Федор. – Товарищ майор, разрешите обратиться? Курсант Прокопенко.

– Чего тебе? – хмуря брови, недовольно бросил Сергеев.

– Разрешите принять участие в поиске?

– Сказано же, курсантам отдыхать...

– Я отдохнул, – боднул головой Федор. – Товарищ майор, если Леушин сбился с маршрута, нипочем его комендачи не найдут. Следы только затопчут, потом не отыскать... А я по следам... Только рассветет, найду! – заверил Федор.

– Самого-то искать не придется? – подал голос начальник штаба.

– Никак нет. Для меня лес, как для вас устав...

– Но-но, не хами! Тоже мне, шутник нашелся! – усмехнулся начштаба.

Сергеев, кивнув на карту, спросил:

– Маршрут ведом? Покажи!

Федор взял со стола карандаш и уверенно повел им по карте.

– Отклониться от маршрута Леушин мог здесь и вот здесь, – указал он. – Местность заболоченная... а маршрут прокладывался еще в марте, я узнавал.

– Хорошо, – согласился Сергеев. – Может, кого с собой возьмешь?

– Нет, товарищ майор, мне одному сподручнее.

– Хорошо, действуй! Получи штатное оружие, патроны. Это на всякий случай. И через полчаса прибыть к штабу. Наш грузовик тебя на место доставит. Ползти ему по лесной дороге часа два, к этому времени уже рассветет. Комендантский взвод выйдет с рассветом. Так что ты будешь идти с опережением комендатуры на три часа. Если найдешь Леушина, к части не иди, выходи к дороге. Вот сюда или сюда, – показал Сергеев точки на карте. – Там будут стоять наши патрули из охраны, с автомобилями. Это все. Иди, Федор Федорович. Я на тебя надеюсь!

На поляну, откуда курсанты начинали движение, приехали на рассвете. Федор не стал ждать, когда полностью развиднеется. Он заранее определил, где мог пройти Леушин и оставить следы, и направился к тому месту, согласуя путь с компасом.

Прокопенко не ошибся: на глиняном взгорке с едва пробивающейся травой отчетливо отпечатались следы сапог. Цепочка тянулась в сосновый бор.

«Что же, пока все идет хорошо!»

Распознать следы на хвое для Федора было несложно, но вот через пару километров следы привели к первому топкому месту и вильнули в сторону.

«Видимо, Леушин не рискнул идти через топь. Вот только какой он крюк заложил?»

Еще через восемь километров, местами с трудом различая следы, теряя их и находя вновь, Федор вышел к речушке, показанной на карте как ручей. И понятно... местами еще снег не сошел, вот ручеек и превратился в речку.

«Вот здесь Леушин попытался перебраться, но не решился. Берег топкий. А в этом узком месте переправа состоялась. Молодец! Перекинул через поток две лесины, по ним и перешел», – мысленно одобрил товарища Федор. Перебрался на противоположный берег и сам. Сверился с картой.

«Да. Крюк приличный. Чтобы уложиться в отведенное время, Леушин пошел напрямую, минуя вот эти два ориентира. Что же, я поступил бы так же».

Еще более часа отслеживал следы Федор, пока не вышел на маршрут. И тут обнаружил следы еще троих людей. Поначалу они шли параллельно леушинским, медленно сближаясь. Вот здесь произошла встреча. Судя по разбросанному сушняку и вывороченным ошметкам прошлогодней листвы, встреча была нежелательной. Тщательнее изучив место схватки, Федор обнаружил сгустки крови. Чья кровь и кто эти трое, можно было только догадываться.

«Как они здесь появились? Ведь до ближайшей деревни километров шестьдесят... И что им было нужно от Леушина? Оружие? Так охотничьих карабинов в каждой деревне по десятку... И почему он пошел с ними?»

Следы указывали, что путь продолжили четыре человека.

«Вот оно что! – догадался Федор. – Следы свернули к дороге. Понятно. Нападавшим нужен был проводник».

Пройдя с километр, Прокопенко обнаружил следы стоянки и кострища.

«Останавливались на отдых и ночлег. Видно, издалека шли. Земля под костром остыла, но влагой не взялась. Пожалуй, прошло не более часа, как путь продолжили, – предположил Федор. – Если поднапрячься, то можно и догнать. До дороги еще идти и идти».

Передернув затвор карабина, Прокопенко устремился по протоптанной четырьмя людьми тропинке. Шел быстро, шаг накатом, чтобы ненароком не выдать себя треском случайно сломанных веток. До дороги оставалось совсем немного, когда тут же на тропе Федор наткнулся на тело Леушина. Товарищ лежал, согнувшись, сжимая левую сторону груди руками. Кровь уже не шла, но дымилась в холодном утреннем воздухе.

Как на медвежьей охоте, Федор почувствовал дрожь. Прильнув своим большим телом к земле, он словно заскользил по ней, не издавая ни звука. Так его учил дед, и эта наука не прошла даром.

Убийц Леушина он обнаружил, не доходя метров пятидесяти до дороги. Затаились. Прислушиваются, не идет ли какой транспорт. Одеты в рваные телогрейки и ватные с вырванными клоками штаны, вооружены автоматом ППШ и карабином, видимо, взятым у Леушина. Тихо переговариваются.

– Вон, пусть Леший переоденется в одежду вертухая и выйдет на дорогу.

– Ага, – возражает другой. – Ты глянь на его морду. Грязен и небрит. Спалится тут же.

– И что делать?

– Ждать!

Повинуясь первому порыву, Федор хотел было уничтожить бандитов. Не пострелять, а порвать, как зверь рвет свою добычу. И если бы не учеба в разведшколе, он так бы и поступил, но первейшая задача разведчика – взять языка, а лучше языков. Потому он осторожно при-

близился к ничего не подозревающим бандитам. Лишь у одного из троих лицо было обращено в его сторону. «Хватит и двух языков», – решил Федор и, выступив из-за дерева, метнул нож в одного из бандитов. Тот, выпучив глаза, поперхнулся на полуслове и начал заваливаться на сторону. Его попутчик, тот, что находился ближе к Федору, каким-то звериным чутьем определил, откуда исходит смертельная угроза и, извернувшись, навскидку пальнул из карабина. И это все, что он успел предпринять. С трудом сдерживая себя, Федор нанес бандиту удар в челюсть, отшвырнув его в сторону, и броском вперед навалился на третьего, который так и не понял, что происходит. Заломив ему руки за спину, скрутил своим брючным ремнем. Затем не спеша отстегнул брезентовый ремень с ППШ и точно так же связал руки за спиной еще не пришедшего в себя третьего.

Склонившись над связанным бандитом, угрожающе прошипел:

– Шевельнешься, убью!

Отложив в сторону автомат и карабин, Федор обыскал бандитов. Только у одного из них оказался нож. В вещмешке, что лежал рядом с убитым, он обнаружил куски хлеба, немного варенной в мундире картошки и два заряженных диска к ППШ. Оставив бандитов на месте, Федор вернулся за Леушиным. Перенес тело курсанта к дороге, затем туда же перетащил бандитов, и только после этого дал в воздух три короткие очереди из автомата. Не прошло и получаса, как пришел автомобиль с патрулем, а еще через час Прокопенко уже был в части и докладывал майору Сергееву о случившемся.

Выслушав доклад, начальник школы крепко пожал руку Федору и сказал:

– Я в тебе не ошибся. Жаль Леушина, но война есть война... Она и в тылу показывает свой оскал. Ты же действовал достойно. Отдыхай. Поговорим позже.

Только через два дня, после того как начальник штаба перед строем зачитал приказ об окончании курса обучения и о присвоении курсантам воинского звания «младший лейтенант», состоялся разговор Федора с майором Сергеевым. По случаю очередного выпуска начальник школы был в форме со знаками отличия на петлицах и наградами – два ордена Красной Звезды.

– Ты, Федор Федорович, человек прямой, потому скажу без предисловий: я предлагаю тебе продолжить обучение. Не у нас, конечно. Мы здесь только даем азы разведслужбы, а чтобы стать настоящим разведчиком, надо много учиться. Но сейчас идет война, и учеба в такое время непозволительная роскошь. Но именно сейчас армии нужны хорошие офицеры-разведчики. – Помолчав, добавил: – Знаю, рвешься на фронт. Но фронт подождет. Война не завтра закончится. Твоего согласия не требуется. Ты – офицер. Так что получай документы у начальника штаба, переодевайся в офицерскую форму, и завтра утром машина отвезет тебя на вокзал. Путь тебе по нашим сибирским меркам недалекий – в Омск.

III. Омск – Москва

1

Школа располагалась в самом городе в некогда бывших колчаковских казармах. Несмотря на то что многие имели офицерские звания до капитана включительно, все назывались курсантами. Здесь не было учебных взводов, рот. Курсанты были сведены в отделения по семь человек в каждом, и занятия проводились также по отделениям. Прокопенко только в конце недели понял, по какому принципу создавались отделения – по уровню владения курсантами немецким языком. По его прикидкам, отделение, в которое он был зачислен, знаниями не блистало, потому находилось даже не в середине, а ближе к концу. Но это Федора особо не огорчало. Огорчали больше сводки с фронтов да неведение относительно того, сколько продлится обучение.

С первых дней появились новые направления обучения: подрывное дело, маскировка в городе, работа на радиопередатчике, владение радиотелеграфным ключом, работа с шифрами, прыжки с парашютом и приземление в лес, на воду, управление мотоциклом, автомобилем и, конечно же, владение немецким языком и так полюбившимся Федору рукопашным боем. День, а часто и ночь были настолько загружены, что не только подумать о чем-то ином, но, как шутили курсанты, и дышать было некогда.

Как-то на занятиях по рукопашному бою Федор заявил, что одолеет четверых. Услышав это, руководитель выбрал четверых курсантов поопытней и сказал, что действовать можно реально – приближенно к боевой обстановке. «Но без смертоубийства», – пошутил он. Противники были осторожны, не первый раз встречались в схватках один на один и уже знали сильные и слабые стороны друг друга. Но Федор решил впервые применить джиу-джитсу, которым с большим энтузиазмом занимался в Новосибирске, не в полную силу, а так, вполсилы. И это было полной неожиданностью для курсантов-противников. Федор атаковал сам, нанеся серию ударов, после которой двое остались лежать на траве без сознания, у третьего оказался вывих плеча, а четвертого отвезли в госпиталь с переломом локтевого сустава. Федор же стоял в центре, меж поверженных противников, виновато опустив голову. Никто из зрителей этой схватки даже не успел рассмотреть, что же произошло... Руководитель, не ожидая такого итога, лишь покачал головой.

– Где ты этого набрался? – только и смог сказать он и, объявив перерыв, побежал докладывать начальнику школы о происшествии. Все закончилось выговором руководителю занятия, с Федором же начальник школы ограничился беседой.

После этого случая курсанты стали поглядывать на Федора не то чтобы с опаской, но с некоторой осторожностью и нескрываемым уважением: не дай бог попасться такому на узкой тропе...

Через месяц отделения расформировали и создали тройки. Кроме Федора, в его тройку вошли Олег Самойлов, как позже выяснилось, по званию капитан, и Сергей Протасов – лейтенант, балагур и вечно невысыпающийся... С немецким языком у них затруднений не было: Олег жил среди поволжских немцев, а Сергей перед войной окончил институт иностранных языков. Только для Федора язык врага оказался серьезной ношей, которую он стоически нес на своих могучих плечах.

Сдружились быстро. Одно затрудняло общение – разговаривали меж собой только на немецком, да и преподавание отдельных предметов велось на этом же «проклятушем», по выражению Федора, языке.

«Непонятно, кого из нас готовят: дивизионных разведчиков или диверсантов для действий в глубоком тылу? – недоумевал Федор. – Не дай бог, еще и форму немецкую напялить прикажут».

И приказали. И надел. И честь научился отдавать, как отдают немцы, и орать «Sieg Heil!», и всеми видами немецкого стрелкового оружия овладел.

Шел сентябрь 1942 года. За эти семь месяцев, как надел военную форму Федор, он очень изменился: потерял в весе, в движениях появилась легкость, а из-за его регулярных занятий рукопашкой – какая-то кошачья грациозность и готовность к мгновенным действиям. Он многому научился: стрелять из двух пистолетов одновременно – «по-македонски», поражать цель в ночное время по шороху, гонять на мотоцикле и машине по пересеченной местности, быстро работать на ключе и принимать на слух, прыгать с парашютом в любое время дня и ночи, и самое главное – ему покорился немецкий язык. Акцент остался, но разговаривал он свободно. И, вспоминая, каким самоуверенным появился перед майором Сергеевым, он стыдился, как и за те два письма, отправленные им в Дуплинку Анне. Ответа от девушки так и не получил. «Вот добра-то! Еще не одну такую Анну встречу», – решил Федор, обиженный на молчание. И только гораздо позже, случайно встретив в Москве на вокзале своего бывшего одноклассника, узнал от него, что сразу же после окончания школы Анна призвалась в армию и была направлена в какой-то учебный центр, где, по словам ее матери, училась на связистку.

2

Как-то накануне ноябрьских праздников тройку Самойлова, а именно его назначили командиром, ночью подняли по тревоге и полностью экипированных привезли на аэродром. Там объявили: «Оружие сдать, оставить только пистолеты. Валенки снять и переобуться в сапоги. Ватники сдать и переодеться в шинели». На шинелях уже были прикреплены знаки отличия.

Прощаясь, начальник школы, крепко пожав руки уже бывшим курсантам, сказал:

– Прибудете на место, держитесь достойно, не подведете. Вас будут встречать, – предупредил он вопрос, застывший на губах у Самойлова. – И еще одно: это уже не из учебника, а из жизни, из собственного опыта – берегите друг друга, и тогда любая задача вам будет по плечу.

Только в самолете, остановив проходившего мимо штурмана, Протасов спросил:

– Куда летим?

– Что, не сказали? – засмеялся штурман. – В Москву, лейтенант. В столицу нашей родины!

– Что, целый самолет для нас троих?

– Для вас! А надо будет, и тебя одного доставим, куда прикажут. Привыкай, разведка!

Летели долго. Дважды садились неизвестно где, что-то грузили, перегружали, дозаправлялись. А вот само приземление на московский аэродром Федор проспал.

– Вставай, соня! – толкнул его в плечо Сергей. – Верную тебе кличку дали – Медведь. Тот спит всю зиму, а тебе еще рано – на дворе начало ноября, – балагурил Протасов. – Сейчас перекусим и пойдем Красную площадь смотреть. Ты еще не был на Красной площади?

– Да я дальше Новосибирска не выезжал, и то всего два раза... А что, дадут по Москве походить?

– Дадут... Догонят и еще дадут, – затягивая поясной ремень, ухмыльнулся Самойлов и уже серьезно добавил: – Раз мы оказались в Москве, значит, все не так просто. Думаю, служить нам предстоит в Главном разведывательном управлении. А что до первого задания, так и к бабке не ходи... не зря же мы последний месяц Львов и Ивано-Франковск изучали...

– Ты так думаешь? – удивленно протянул Федор.

– Уверен.

Встречал их невзрачного вида, в потертой шинели капитан-артиллерист. Представившись, кивнул в сторону сиротливо стоявшего автобуса.

– Грузимся, товарищи офицеры. Транспорт подан.

Ехали больше часа. Молча. Лишь Федор время от времени отодвигал шторку окна. Но за окном был виден лишь серый, почти оголившийся лес.

– А где же Москва? – не выдержав, разочарованно произнес он.

– Там... – неопределенно махнул рукой капитан-артиллерист. – До нее километров семьдесят.

«Вот и посмотрели Красную площадь!»

Федор не то чтобы расстроился... Он понимал, что не на экскурсию прибыл, а все-таки до последнего надеялся, что ему посчастливится воочию увидеть город, знакомый ему лишь по книгам и по кинохронике.

Вечером в комнату, где их расселили, вошел невысокий седоватый мужчина, на вид лет сорока, в офицерском френче без знаков отличия.

Троица встала, вытянулась по стойке «смирно».

Вошедший внимательно осмотрел каждого и, улыбнувшись, спросил:

– Почему вы встали? Вот вы, – кивнул он Федору, – ответьте мне, если вас не затруднит.

– Младший лейтенант Прокопенко, – представился Федор. – Судя по тому, как вы вошли...

– А как же, по-вашему, я вошел?

– Как хозяин. И еще... все, кого мы сегодня встречали, были обуты в сапоги обычные, хотя и хромовые. А у вас каблук на сапогах рюмочкой, неуставной, и начищены они до блеска.

– Оно как! – покачал головой неизвестный. – И когда же вы каблуки-то рассмотреть успели?

– Как вы вошли...

– Наблюдательный – это хорошо. Не охотник?

– Так точно. Охотник. Из-под Новосибирска.

– Сибиряк, значит... А вы? – кивнул он Самойлову.

Но тот стоял молча, выжидательно глядя на незнакомца.

– Ах да, я же не представился: полковник Воскресенский Игорь Николаевич. Ваш непосредственный начальник. А вы капитан Самойлов, если я не ошибаюсь. Вы не охотник?

– Не охотник, но стреляю неплохо.

– Не сомневаюсь. Павел Николаевич плохих офицеров к нам не пришлет. Я видел ваши документы. А вы присаживайтесь, товарищи офицеры. У меня к вам еще несколько вопросов. – И, когда расселись, спросил у Федора: – А вам, товарищ младший лейтенант Прокопенко, украинский язык не ведом? Фамилия-то соответствует...

– Никак нет. Я ведь не хохол, а челдон.

– Чалдон, может быть, – поправил Федора полковник.

– Не-ет. Именно челдон. Знаю, чалдон – это народность такая, – улыбнулся Федор. – А я челдон. Маленьким был, соседи говорили: «Челдон побежал», и на меня указывали. Обижался. Думал, что «челдон» – это типа дурачок. А повзрослев, узнал, что «челдон» – это человек с Дона. Мои предки были донскими казаками.

– Понятно. Вы мне вот что скажите, что у вас за история с медведем приключилась? Павел Николаевич обмолвился, но я так и не понял... вы что, один на один с ножом против медведя вышли?

– По дурости, товарищ полковник. Сейчас бы ни за что не вышел...

– И что, завалил медведя? – не утерпел с вопросом Сергей Протасов.

– Да еще какого... На четыре центнера, – многозначительно поднял перст полковник Вознесенский. – А почему вы сказали, что сейчас бы не вышли?

– Один на один против медведя – большой риск. А риск должен быть оправданным...

– И это верно, – подхватил полковник. – Особенно в нашем деле, когда, выполняя задание, рисковать приходится каждую минуту, но прежде чем рискнуть, надо трижды подумать. – И, сделав паузу, продолжил: – Что же, товарищи офицеры, судя по отзывам преподавателей и инструкторов, по итоговым оценкам, подготовлены вы неплохо. Можно бы и лучше, но время не терпит. Учиться будем во время боевых операций. С завтрашнего дня начнете подготовку. Протасов и Прокопенко сегодня могут отдыхать, а вам, товарищ капитан, задание: вы же жили в Саратове и Энгельсе. Насколько я знаю, у вас много знакомых среди поволжских немцев. Так вот, с точки зрения разведчика, оцените все ваши знакомства и ваших знакомых, особенно имеющих родственников в Германии и Австрии, и... напишите обо всем подробно. Это можно сделать в соседней комнате, – добавил он, поднимаясь со своего стула. – Вопросы есть? Нет? Так я и думал.

3

Странная была эта подготовка. Капитан Самойлов в своих предположениях оказался прав: продолжили изучать Львов, но Львов оккупированный. То есть названия улиц, площадей – переименованные немцами, а также где и какие размещены по городу и в пригороде военные части и объекты. Этим занимались до обеда, а после обеда и короткого отдыха – физическая и стрелковая подготовка, ближе к ночи увозили на аэродром – прыжки с парашютом, ориентирование в ночном лесу. Короткий сон, и все опять по кругу.

– Скорее бы уж на задание, – бурчал недовольный, вечно невыспавшийся Сергей, в очередной раз застегивая на комбинезоне ремни парашюта. – Сколько можно прыгать? Да ночью... А ну как ногу сломаю в темноте... тогда что?

– Не волнуйся, я тебя донесу, – с усмешкой произнес Федор. – Ты, главное, не ужинай в следующий раз...

– Это почему же? – удивленно протянул Сергей.

– Легче будешь...

Только в начале декабря полковник Воскресенский поставил перед группой боевую задачу:

– Еще осенью 1941 года во Львове немцы оборудовали лабораторию, в которой проводили испытания радиоизлучений, действующих на психику людей. Суть испытаний – подавление воли человека. Почему во Львове? Все очень просто: в конце тридцатых годов этой проблематикой занимался профессор Львовского университета Арсений Лесковский. Польское правительство под него дало деньги, людей, оборудовало лабораторию. В своих изысканиях он продвинулся далеко, но, как стало известно, дело до создания энергетической установки не дошло. Как только Львов был взят, немцы учинили расправу над профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений Львова и прежде всего преподавателями Львовского университета. Большинство профессоров – поляков, евреев, украинцев – вместе с семьями и прислугой были расстреляны у Вулецких холмов и во внутреннем дворе Воспитательного дома имени Абрахамовичей. Лесковский же избежал подобной участи. Мало того, немцы Арсения Богдановича и сотрудников его лаборатории нашли, облаkali и привлекли к работе. Усилили штат лаборатории своими учеными. Работы продолжились. И, судя по донесениям нашего разведчика, работающего на объекте, немцы приступили к практическим испытаниям установки. Испытания проводятся на военнопленных. Вы представляете, что значит иметь такую установку... или установки. Поставил на передовой... и танков не надо! Исходя из этого, необходимо проникнуть на объект, по возможности добыть техническую документа-

цию, образец установки и вывезти все это, включая и самого Лесковского, за линию фронта. Если что-то не получится – не беда, так как основная задача – уничтожить лабораторию со всеми ее сотрудниками.

– Вот это да! – удивился Сергей и, не скрывая этого, спросил: – А с самолета нельзя разбомбить это паучье гнездо?

Полковник Воскресенский встал из-за стола и, подойдя к повешенному на стене плану довоенного Львова, ткнул пальцем в один из кварталов.

– Лаборатория здесь... а может быть, здесь или там, – показал он на зеленый массив за городской чертой. – Нам это неизвестно.

– А как же наш человек? Вы говорили, что на объекте работает наш разведчик...

– Был. Погиб, передавая сведения. Так что вам предстоит найти эту лабораторию. Группа, которая была выслана месяц тому, эту часть города отработала, – показал полковник на плане, – но лабораторию не нашла. Вам предстоит отработать остальную территорию города и пригород.

– Так наша группа не первая? – спросил Самойлов.

– Третья. Первая погибла на подходе ко Львову, как выяснилось позже – напоролась на засаду. Вторая отработала две недели... Во время передачи информации по радио связь была прервана, и до сих пор неизвестно, что с группой. – После длительной паузы полковник Воскресенский продолжил: – Уничтожению этой лаборатории придается большое значение, приказ пришел с самого верха... Поэтому готовятся еще две группы. Почему вы, а не другие? Хотя вы такого вопроса не задали, но ответу: у вас больше шансов. Помните, Олег Валентинович, – обратился он к капитану Самойлову, – в нашу первую встречу вы получили задание написать о своих знакомых в Саратове, имеющих родственников в Германии и Австрии. Мы проверили, и оказалось, что ваш друг детства Артур Берг после окончания политехнического института работал на заводе металлоконструкций, с продукцией завода выезжал в 1937 году в Германию на выставку и там по семейным обстоятельствам остался. В том же году был призван в вермахт. Ныне капитан Артур Берг служит во Львове в комендатуре. И еще одно стечение обстоятельств, повлиявшее на то, чтобы именно вашу группу отправить раньше, чем те, две, которые подготовлены лучше вас, да и опыта у которых побольше вашего. Вы помните, Федор, как-то во время одной из бесед обмолвились, что ваша родная тетя, выйдя замуж, уехала куда-то на Украину. Оказалось, что она проживает в Сумах, а вот ее дочь, ваша двоюродная сестра Настя, живет сейчас во Львове в семье мужа. Но нас больше интересует не ваша сестра, а ее свекр, Антон Васильевич Прохоров, до недавнего времени возглавлявший хирургическое отделение немецкого военного госпиталя. Замечу, даже очень хорошим врачам немцы жизни своих офицеров не очень-то и доверяют... А тут русский врач возглавляет отделение, в котором на излечении находятся лишь старшие офицеры вермахта. Его тоже необходимо взять в оперативную разработку. А подход к нему лежит на вас, Федор. Теперь же, товарищи офицеры, поэтапно, шаг за шагом, я познакомлю вас с планом решения этой непростой задачи.

IV. Львов

1

Группу капитана Самойлова выбросили с самолета ночью, но не в заданном квадрате, а почти за восемьдесят километров от города. Приземлились в заболоченной части леса. Лес-то так себе, мелколесье, а вот болото оказалось приличным. Несмотря на декабрь и низкую температуру, ледяная корка веса человека не держала, и Федор принял единственно правильное в этом случае решение: ждать рассвета. Видимо, не он один такой умный. Лишь когда начало светать, Федор отыскал относительно твердый участок, на который перетащил найденный им груз, поделенный на три равные доли. Найдя открытую воду, утопил парашюты – и свой, и грузовой, и только после этого двинулся на поиски членов группы.

Олега и Сергея отыскал быстро. Судя по грязным и мокрым комбинезонам, им повезло меньше.

– Необходимо найти грузовой парашют и уходить отсюда, пока не засветились, – довел свое решение до подчиненных Самойлов, на что Федор возразил:

– Груз я нашел и припрятал, а вот вам необходимо срочно обсохнуть. Я видел недалеко кучу валунов. На них и одежду разложить можно, и костерок между ними разжечь...

– Во-во, по костерку нас и отыщут, – осуждающе покачал головой Сергей.

– Не дрейфь, не отыщут. Ветерок слабый, в глубину болотца дым понесет. Сейчас раннее утро, а значит, холодный воздух дым придавит. Минут сорок у нас на сушку одежды есть. Костерок я организую, – засуетился Федор.

Не прошло и десяти минут, как по сушняку заплескали огоньки пламени, а одежда запарила. Собрав комбинезоны, Федор отнес их подальше и притопил. Пока товарищи сушились, он перетащил груз, проверил радиостанцию и батареи – не намокли ли. Но упаковали на совесть. Можно было работать. Дождавшись 6:00, Самойлов распорядился:

– Федор, передавай: все идет по плану. Старый.

Пока Федор сматывал антенну, Самойлов изучал карту.

– Вот оно, болотце-то. Нашел, – воскликнул он, но, как показалось Федору, как-то безрадостно. – Ну, летуны! Ну, шалапуты... Смотрите, парни, где они нас выкинули. Мы же под Дрогобычем. До Львова почти восемьдесят километров. Да здесь деревня на деревне, хутор на хуторе... Как дойти, не обнаружив себя? Немцев, поди, как собак нерезаных...

– Дойдем, – уверенно произнес Федор. – Проведу. Что, мы деревень да хуторов не видели? Обойдем.

– А коли на фашистов нарвемся? Нет. Вслепую не пойдем. Поначалу осмотреться надо: в каких деревнях комендатуры, где на дорогах стоят патрули... Нужна информация и... проводник. Поэтому идем на ближайший хутор, – принял решение капитан Самойлов. – И еще, с этого момента обращаться друг к другу только по кличкам.

Через два часа вышли на хутор. Изба просторная, покрытая соломой, рядом еще одна – чуть поменьше, подбортнее, под тесовой крышей. Двор. Судя по постройкам и четырем большим стогам сена – в хозяйстве несколько коров и лошадей. Хутор обнесен изгородью, в нескольких местах закрыт плетнем. Перед домом мальчишка лет пяти возится со щенком.

– Чего мальцу не спится? – прошептал Сергей.

– Ты не на мальчика смотри, а пса высматривай, – недовольно пробурчал Самойлов. – Собака учует...

– Не учует, – уверенно произнес Федор. – Нет собаки на хуторе.

– Почему так уверен?

– Если б была, уже подала бы голос. Мы залегли по ветру, а надо бы с подветренной стороны...

– Тихо, Медведь. На хуторе шевеление. Никак мужик... – остановил Федора Самойлов, – и не один.

Из избы вышли двое: бородатый в возрасте и молодой. О чем-то поговорили, и тот, что помладше, направился в сторону другой избы. Вскоре он вышел, а за ним еще один бородатый, по виду лет сорока.

– Вот тебе и дела... трое, а может, еще есть. Что будем делать, Старый? – повернув голову в сторону Самойлова, спросил Сергей.

– Ждать. Ждать и наблюдать. А ты не отвлекайся. Бери пример с Медведя.

Федор, не поворачивая головы, тихо произнес:

– Готовятся ехать. Вон молодой лошадей ведет.

Сноровисто запрягли пару в телегу, которую чуть погода загрузили бидонами, несколькими кошелками, и старый мужик, взяв одну из лошадей под уздцы, вывел со двора. Следом за ним, обогнав, на велосипедах покатали бородатый и молодой. Оба с оружием за спиной и белыми повязками на левом рукаве, в центре которых стола черная буква «Р».

– Полицаи, – резюмировал Самойлов. – Вот что, парни. Судя по карте, старый едет к дороге. Она единственная, других нет. Встретим его там.

– А полицаи? – спросил Федор.

– Они вряд ли поедут рядом. Видите, мужик не торопится. Лошадок бережет. Хо-зя-ин, – многозначительно протянул Сергей.

– Все, хватит болтать, – оборвал Сергея Самойлов. – Медведь замыкает! Потопали!

На дорогу вышли раньше хуторянина с телегой. Пришлось ждать. Он все так же неспешно следовал по дороге, покуривая и что-то напевая себе под нос.

Самойлов вышел на дорогу.

– Эй, земляк, папироской не угостишь?

Мужик, приостановив лошадок, потянулся под сидушку и не спеша вытянул из-под нее обреза.

– Якой я тоби земляк, москаль? Сам черт тоби земляк...

Сергей, подкравшись с противоположной от Самойлова стороны, ткнул дуло автомата мужику под бок.

– Тихо, дядя. Не балуй! Ствол-то отдай, – проговорил он вкрадчиво. – Не то ненароком дырок в твоей башке неразумной наделаю, что делать будешь?

Хуторянин мгновенно преобразился, отдал обреза и с превеликой радостью, словно встретил лучших друзей, заголосил:

– Ой, хлопцы! Так я ж свий. А ружо у меня старо, еще с Первой мировой, от дида осталось. А ноне без нього никак, вороги, та и тати шатучи...

– Может, и патронов нет?

– Та яки ж патроны?

– А ты у сыновей попроси, они тебе отсыпят, – напустив строгости в голове, произнес Самойлов.

– Та что вы такэ балакаетэ, во то як спите? – всплеснул руками мужик.

– Ну хватит, дядя, нам зубы заговаривать. Куда сыновья на велосипедах поехали? – еще раз ткнул под бок ствол автомата Сергей, да так, чтобы до ребер достало.

Мужик замолчал и, стянув шапку с головы, произнес уже на русском:

– Да здесь неподалеку, в деревню Сливянку. Там комендатура немецкая.

– А чего же ты, старый, сыновей-то к фашистам на службу определил? – не унимался Протасов.

– Да чего там, – махнул рукой бородатый. – Старшего, Петра, призвали, а младшего, Фрола, сам записал, чтобы в Германию на работы не услали. Из деревни-то всех мальчишек и девчонок старше пятнадцати собрали, на машины погрузили и увезли. Куда? Никто не знает. Беда!

– Да ты, как я посмотрю, не бедствуешь на своем хуторе. Лошади, коровы...

– Не мои! Вот те крест не мои! – торопливо перекрестился мужик. – Перед самой войной тут жил богатей один, Богдан Коваль, раскулачили, а самого выслали в Сибирь. Да он вскоре вернулся. Сам-то ноне во Львове, какой-то начальник по заготовкам, а меня сюда посадил с семьей, на хозяйство. Молоко от пяти коровок каждое утро вожу в Дрогобыч в немецкий госпиталь. Так распорядился хозяин.

– Тебя как зовут-то? – спросил Самойлов.

– Мирон. Мирон Студенец. Родом-то я из-под Винницы, да жонка из этих мест...

– Скажи-ка мне, Мирон, немцы в округе есть?

– Только в Дрогобыче...

– А в Сливянке?

– Не-ет, – боднул бородатый. – Там только комендатура, и в Ключах тоже только полиция...

– На дорогах есть патрули?

– Перед городом. Там речушка небольшая. У моста немецкий патруль.

– А за Дрогобычем?

– Не знаю. Говорили мужики, что и посты есть, и на автомобилях патрули разъезжают...

Да и воинских частей немало до самого Львова. Вам, поди, во Львов надо?

– Не твоего ума дело! – рыкнул Сергей.

– погоди, Серый. – И, обращаясь к Мирону, Самойлов спросил: – Как я погляжу, ты догадливый. Скажи, как можно попасть во Львов, не привлекая особого внимания?

Мужик задумался, затеребил бороду.

– По железке... – сказал он решительно.

– Как это?

– По железной дороге. Через Дрогобыч время от времени проходят эшелоны с побитой немецкой техникой. То ли в ремонт ее везут, то ли на переплавку. Охраны почти никакой: на паровозе и на площадке последнего вагона по человеку, ну и теплушка с караулом где-то в составе. Точно, сам не раз видел.

– Ты, случаем, в армии не служил? Уж больно на лету все схватываешь... – удивился Самойлов.

– Не пришлось. Всю жизнь в деревне...

– Спасибо тебе, Мирон Студинец. Ну, а о нашей встрече, как ты и сам понимаешь, никому, – предупредил Самойлов, – и даже сыновьям. Сыновьям особо!

– И вам спасибо, – приложил руку к сердцу бородатый.

– За что? – удивился Сергей.

– За жизнь...

С тем и расстались: мужик продолжил свой путь, а Самойлов и Протасов углубились в лес.

– Ну что, Медведь, не заскучал? – вопросом встретил присоединившегося к ним товарища Сергей. – До Львова в купейном вагоне поедem... – сообщил он восторженным тоном.

– Не трудись, – усмехнулся Федор. – Я все слышал. А железная дорога там, – указал он рукой, – километрах в шести. В утреннем воздухе проходящий поезд далеко слышно. И не только поезд: вас тоже... Так что потише...

– Рано еще к железке двигаться. Надо груз забрать: рацию, боеприпасы, взрывчатку. Веди, Федор. У тебя это лучше получится, – распорядился капитан Самойлов.

Только через четыре часа появился нужный состав. И правда, вагоны были загружены подбитыми танками, покореженными орудиями, останками самолетов. Видимо, железо шло на переплавку.

Место было выбрано таким образом, что ни паровоза, ни последнего вагона не было видно. Наметив открытую платформу, лишь наполовину прикрытую брезентом, разведчики устремились к железнодорожному полотну. Посадка была обговорена заранее, потому прошла без осложнений. Укрывшись под брезентом, группа Самойлова продолжила путь, приближаясь к намеченной цели – городу Львову.

Под вечер поезд, сделав очередную остановку, замер на несколько часов. Лишь разговор проходивших мимо немцев, видимо, из караула этого состава, прояснил ситуацию: поезд во Львов не пойдет, по какому-то окружному пути проследует в Польшу, а оттуда в Германию.

Разведчикам пришлось покинуть нагретые за день места.

Чтобы напрасно не рисковать, группа Самойлова покинула станцию и, найдя брошенный полуразрушенный дом, расположилась в нем на отдых. Необходимо было узнать, что за место, где они оказались, и сколько до Львова. С рассветом все выяснилось: на здании маленького вокзальчика большими буквами было написано – Протопоповка. А это уже пригород Львова. Решили рацию и питание к ней, взрывчатку оставить в этом заброшенном полусгоревшем доме, так как Протопоповка находилась всего в шести километрах от города, а дом стоял на окраине пристанционного поселка в полтора десятка домов.

Во Львов пробирались налегке, оставив лишь пистолеты и ножи. Вошли в город со стороны еврейского кладбища, судя по виду, старого, захламленного, брошенного. Под одной из плит прикопали оружие и нашли место, куда можно бы было в будущем перетащить и укрыть имущество, оставленное в Протопоповке.

Вышли на одну из улиц. Федор знал их все, и довоенные названия, и нынешние, но одно дело знать, а другое видеть. Дома – добротные, ухоженные, каменные, под красной черепицей поразили своим видом дуплинского паренька, хотя до того видевшего Новосибирск и Омск. Удивил его своими формами и костел – вытянувшийся вверх, черный, с узкими, словно крепостными бойницами, окнами. Здесь все было чужим. И даже редко попадавшиеся навстречу люди казались Федору чужими.

Патруля разведчики не боялись. Документы, выданные на базе, были сделаны добротно. По ним все трое числились поездной бригадой львовского железнодорожного узла, и даже отметки на спецпропусках в депо и сортировку были настоящими и могли выдержать любую проверку. Одно смущало разведчиков – ни один из них ни разу не был в кабине паровоза...

Дойдя до Grünstrasse, то есть улицы Зеленой, остановились.

– Дом пять. Это вон тот, с синими ставнями. Пойду один, – категорично заявил Самойлов. – Серый и ты, Медведь, меня прикрываете. Если засада, безоружными в дом не лезьте. Действуйте по обстановке. Помните, главное – выполнение задания!

Самойлов ушел, но вскоре вернулся.

– Все нормально. Нас ждут. Василий и его жена Дарья осели во Львове еще в сороковом. Я получил эту явку перед самым вылетом. Полковник Воскресенский заверил, что, несмотря на молодость, ребята опытные и им можно доверять на все сто.

– А почему он нам о них не сказал. Не доверяет? – возмутился Сергей.

– Нет. Дело не в доверии. Чем меньше людей знает, тем больше шансов явку не спалить... Пошли, – и сам направился к дому, чуть погодя за ним последовали Прокопенко и Протасов.

Хозяева и правда были молоды, на первый взгляд около тридцати. Дарья тут же засуетилась, накрывая на стол, помощником ей вызвался Сергей, Федор поглядывал через окно на улицу, а Василий и Олег уединились в небольшой спальне.

– Темнить не буду, дело у нас сложновыполнимое и рискованное, – начал Самойлов без предисловий. – Нужен нам Арсений Лесковский, преподаватель университета и руководитель лаборатории. Очень нужен, – и, наклонившись чуть ближе к собеседнику, доверительно спросил: – У тебя случайно среди преподавателей знакомых нет?

– Нет. Но с некоторыми профессорами и докторами наук из Львовского университета знакома Даша. Перед войной она поддруживала с дочерью профессора Слуцкого, бывала в его доме и там, не раз мне рассказывала, знакомилась с другими преподавателями. Если дело спешное, то она сейчас могла бы навестить подругу.

Через какое-то время Даша поспешно ушла, оставив мужчин одних.

– Может, проводить Дарью? – предложил Сергей, на что Василий лишь покачал головой. Поведя широко рукой над накрытым столом, он пригласил:

– Прошу садиться, кто где пожелает. Увы, ни водки, ни самогонки нет, но зато картошка отменная и соленые огурчики только сегодня с рынка Даша принесла. Угощайтесь.

Дарья вернулась быстро, не прошло и часа. Встревоженная, даже несколько испуганная. Вопросительно посмотрела на мужа и, получив от него «добро», прямо с порога доложила:

– Подруга выехала из Львова, а Богдан Самуилович...

– Слуцкий, – пояснил Василий.

– Богдан Самуилович Слуцкий остался. И он Лесковского знает, даже недавно видел его в оперном театре. Но предупредил, чтобы я ни у кого больше им не интересовалась. «Это страшный человек», – так он сказал и даже повторил – «страшный». После чего выпроводил меня за порог.

– Спасибо тебе, Даша, – встал со своего места Самойлов. – Главное ты узнала: Арсений Лесковский жив, свободно передвигается по городу, раз посещал театр, а значит, мы его найдем. Теперь о вещах более прозаических: где нам приткнуться на время и как в городе с продуктами? Рейхсмарки есть.

– На соседней улице я знаю несколько свободных квартир. Хозяева выехали в Польшу еще в сороковом, так что неожиданностей быть не должно. На рынке можно купить самые необходимые продукты, там же можно разжиться керосином и керосинкой. Комендантский час с 18:00. В остальное время передвижение по городу свободное, если, конечно, с документами все в порядке. Сюда больше приходить не надо. Даша работает на почте... да, да, не удивляйтесь, на оккупированной территории почта действует исправно. Так вот, Даша работает на почте на улице Леси Украинки. Если что нужно, передавайте через нее. Вас трое, не примелькаетесь. Я же работаю на железной дороге, на сортировке, сцепщиком. Без спецпропуска на сортировку не пройти.

– У нас есть пропуск.

– Дай взглянуть.

Сравнив свой пропуск и тот, что подал Олег, Василий лишь покачал головой.

– Научились делать липу, не отличить.

– Это не липа, – улыбнулся Самойлов. – Пропуск подлинный. Уж как его раздобыли, не знаю, но...

– По нему вы можете пройти на территорию узла только в течение одиннадцати дней, – перебил Самойлова Василий. – На первое число очередного месяца пропуска сдаются и выдаются новые.

– Ничего. Там видно будет. А теперь вот что, молодые люди, – оглядев Василия и присмившую Дарью, Самойлов виновато улыбнулся, – вся надежда на вас. Мы, конечно, сами могли бы эту задачу решить, но у нас это заняло бы больше времени. Дело в том, что нам

позарез нужны сведения о враче Антоне Васильевиче Прохорове, до недавнего времени возглавлявшем хирургическое отделение немецкого госпиталя. И еще один человек нас интересует – капитан Артур Берг, офицер львовской комендатуры. Нужно выяснить только место его проживания. Посильная задача?

– Сделаем, – уверенно произнес Василий и посмотрел на жену. Та кивком головы подтвердила.

– Когда наведаться на почту?

– Завтра после 14:00.

– Ну что ж, как говорили на Руси – незваный гость хуже татарина. Пора и нам. Спасибо, хозяйшкa, за хлеб-соль. – И, обращаясь к Василию, Самойлов добавил: – Веди. Надо устраиваться. До комендантского часа еще больше двух часов, осмотреться бы надо.

Квартирка в две небольшие комнаты в трехэтажном кирпичном здании была словно специально подобрана для таких, как группа Самойлова: окна выходили на улицу и во двор. Из окна кухни можно было дотянуться до пожарной лестницы, а дом имел еще и черный ход, выходящий в небольшой дворик, через который можно было выйти на соседнюю улицу. Главное же, как пояснил Василий, выбор пал именно на эту квартиру из-за того, что во всем подъезде из девяти квартир заселены были только две – в одной проживала еврейская пожилая семейная пара, как пояснил Василий – чудом оставшаяся в живых после еврейских погромов 1941 года, а во второй – бойкая торговка с рынка.

Когда Василий ушел, Самойлов обратился к Федору:

– Ты что, Медведь, погрузился? Молчишь. За весь день не произнес ни слова...

– Знаешь, как-то все складно получается: и приземлились мы вроде бы не туда, но в более тихое и нужное место – на болото, и добрались до Львова любо-дорого, и на связного вышли, и про Лесковского... и квартира отвечает всем требованиям. Подозрительно. Я не удивлюсь, если завтра уже будут известны адреса и Прохорова, и немецкого капитана.

– Ты что, подозреваешь Василия с Дашей? – возмутился Сергей. – Ты же их видел – наши ребята!

– Наши-то они наши, да предыдущая группа спалилась...

– Но связные-то здесь при чем? У той группы свои пути-дороги...

– Грешить на ребят не буду, но насторожиться следует: уж больно все гладко, – стоял на своем Федор. – И как они будут искать адреса: один – работая на сортировке, вторая – на почте...

– Во, на почте как раз и проще всего адрес найти, – потягиваясь, вмешался в разговор Сергей.

– А адрес капитана тоже на почте? – огрызнулся Федор. – Зря ты, Старый, обе зацепки им дал. Это же наши козыри. Еще мой дед говорил, что в одну корзину все яйца не кладут.

– Как это? – удивился Сергей.

– Все просто: в одной побьются, так в другой останутся, – пояснил Федор.

– Ладно, философы, хватит болтать! Давайте устраиваться, пока светло. Утро вечера мудренее. Завтра узнаем, кто прав. Но ночью подежури́м. Ты, Серый, первым вахту несешь. В час поднимешь Медведя, а я с четырех – собачью смену отстою.

– Слушай, Старый, надо бы за оружием наведаться, – предложил Сергей. – А то я словно голый.

– Хорошо, – согласился Самойлов. – Утром сходишь на кладбище... Я и сам себя без оружия как-то неуютно чувствую.

По улице Леси Украинки Олег и Федор прошли еще утром. Чуть в стороне от дома, на первом этаже которого находилась почта, высмотрели полуразрушенный дом.

– Отсюда будешь меня прикрывать. Место выбери сам. Если что не так, дашь знать. Ну, хотя бы в этом оконном проеме положи пару кирпичей. Я увижу и пройду мимо. После чего и ты уходи. Встречаемся на еврейском кладбище. Учти, Медведь, оружие применять в самом крайнем случае, – предупредил Самойлов. – А Серый подождет нас на квартире. Если через час мы не появимся, он тоже сваливает.

Федор на точку ушел за два часа до намеченного срока, а в 14:00 на почту отправился Самойлов. Ничего подозрительного Федор не заметил. Желающих отправить почтовое сообщение было немного, и он отследил каждого. Никто больше десяти минут в помещении не находился.

Самойлова Федор увидел еще издалека. Тот шел не спеша, не оглядываясь. И вдруг, как назло, из-за поворота вывернулся немецкий патруль. «Только этого не хватало», – забеспокоился Федор. Вытащив пистолет, он изготовился для стрельбы. Но патруль прошел мимо, даже не потребовав у Самойлова документы.

Все прошло на редкость обыденно: Олег вошел в помещение почты, через несколько минут вышел и продолжил путь. Слежки за ним не было, Федор бы это почувствовал. Понаблюдав еще минут пятнадцать-двадцать, он отработанным маршрутом вернулся на квартиру. Где-то через час появился и Самойлов.

– Как все прошло? Не томи! – встретил командира вопросом Серый.

– Расслабьтесь. Все нормально. В помещении были две работницы. Одна из них Дарья. Через окошко я подал ей бланк телеграммы и незаметно забрал листок. Расплатился и вышел. Все. Оба адреса здесь, – показал Самойлов перстом себе на лоб. – Что у тебя? – спросил он Федора.

– Ничего.

– Вот, а я что говорил: ребята наши, советские. Сказали – сделали! – сияя глазами, восторженно произнес Сергей. – Особенно Дарья, так оперативно сработала.

– То-то и оно, что оперативно. Понаблюдать бы за ними...

– Ты что, предлагаешь слежку устроить? – возмутился Сергей.

– Не помешало бы!

– Отставить! – остановил разгорающийся спор Самойлов. – Для слежки нет ни причин, ни времени. Давайте делом займемся. Первый адрес – Прохорова, отрабатывать тебе, Медведь. Дом я отыскал, располагается неподалеку. Дом одноэтажный, небольшой, видимо, частный. Тебя прикрывает Серый. До комендантского часа еще есть время: пройдитесь, присмотритесь, определите место, с которого завтра будете вести наблюдение за домом. Да что я вас учу, не маленькие, разберетесь.

– А что со вторым адресом? – спросил Федор.

– Со вторым хуже. Артур Берг живет в офицерском общежитии. Я проходил мимо него: вход только офицерам. Рядом с комендатурой располагается офицерская столовая. Видимо, там Берг и питается. То есть надо добывать форму немецкого офицера и идти в общежитие и опять же в офицерской форме идти в столовую.

– А может, он еще куда-нибудь ходит... в ресторан, например, в театр. Театр-то работает, а Берг – человек...

– Да, но это моя забота. Вам же – наладить контакт с Прохоровым. Он здесь давно и может знать о Лесковском. Все, парни, не теряйте времени. Дом Прохорова на Jung Strasse, 17.

Наблюдение за домом ничего не дало. За весь день только хозяин дома Антон Васильевич Прохоров около 9:00 его покинул и к 17:00 вернулся. Вернулся, правда, в легковом автомобиле, за рулем которого сидел немецкий офицер в черной гестаповской форме, звания Федор не разглядел.

– Надо возвращаться, – предложил Сергей. – До комендантского часа почти не осталось времени. Завтра продолжим. Надо же выяснить, кто еще проживает в доме.

– Если Насти нет, пиши пропало, – огорченно произнес Федор. – С Настей можно повспоминать родственников, и она примет меня за своего. А вот без нее Антона Васильевича не достать.

– Постой, а это не она? – толкнул в бок Федора Сергей. – Лет двадцать, не более...

– Похоже, что Настя. Но никто же из дома не выходил...

– Не выходил, – согласился Сергей. – А это значит, что в доме есть еще один вход, который отсюда не виден. Завтра проверим. Все, охотник, уходим. Не хватало нам на патруль нарваться.

Когда разведчики вошли в квартиру, Олег гремел посудой. На вопрос, откуда она появилась в их скромном жилище, Самойлов снисходительно ответил:

– Вы что, совсем отупели от игры в гляделки? Весь дом почти пустой. Обошел несколько квартир... Да, в наш подъезд сегодня немцы наведались, – не отвлекаясь от мытья посуды, поведал Олег. – Поначалу думал, облава, но оказалось, они пришли за соседями с первого этажа.

– Что, забрали?

– И не их одних. Грузовик был забит народом. Видимо, евреев подгребали, кто не переселился в гетто.

– Вот сволочи! – невольно вырвалось у Сергея. – Соседи ведь уже совсем старики. Я вчера их видел из окна – божию одуванчики.

– А фашистам все равно: что старый, что малый... Еврей – к стенке! Ну, будет об этом. Вы-то как день провели?

Сергей, как старший по званию, доложил:

– Наблюдение почти ничего не дало. Видели доктора. Под вечер в дом вошла девушка, лет двадцати, возможно, Настя. Завтра продолжим. Может, повезет больше.

– Что же, время терпит, – кивнул Самойлов. – А я с утра был на местном рынке. Ну и дела... Будто и нет войны. При наличии денег можно купить все. Я немного продуктов прикупил, на первое время хватит. Познакомился с одним деловым малым. Тот обещал немецкую офицерскую форму достать. Говорит, полгода тому с друзьями вещевой склад грабанул. За форму запросил дорого, но, поторговавшись, цену сбросил. Заказал капитанскую. Завтра встречаемся в сквере на Friedrichstrasse.

– Прикроем, – предложил Федор.

– Нет. У вас свое дело. Продолжайте наблюдение, – категорично заявил Самойлов. – А теперь, товарищи офицеры, прошу к столу. На ужин – картошка в мундире и соленые огурчики.

В 8:00 Федор и Сергей уже были на месте. Как и вчера, около 9:00 из дома вышел Антон Васильевич Прохоров. Через какое-то время вслед за ним из двери выскочил высокий молодой человек и устремился за доктором. Вот он догнал его, и они пошли рядом, о чем-то оживленно беседуя.

– Серый, ты смотри за парадным, а я поищу другой вход. Ведь девушка вчера как-то покинула дом...

Как ни тарашил глаза Сергей, он так и не увидел, когда и где пересек улицу Федор. «Охотник! Привык у себя в лесу скрытно передвигаться! – тепло подумал он о товарище. – Как ему, такому здоровяку, это удастся?!»

А между тем Федор оглядел дом с тыльной стороны. Вторая дверь выходила в небольшой палисадник, и дорожка от нее вела в сторону противоположной улицы, приглядывавшей между домами. Федор собрался было возвращаться к Сергею, чтобы поделиться новостью и,

разделившись, продолжить наблюдение, как дверь отворилась, и вчерашняя незнакомка вышла из дома. Настю он видел только на фотографии, где она была с тетей и было ей лет семь, а сейчас двоюродной сестре должно быть около двадцати. Девушка закрыла дверь на внутренний замок и не спеша направилась к домам параллельной улицы. «Лучшего случая для выяснения отношений может и не представится», – подумал Федор и вышел из-за дерева, чем напугал девушку.

– Вы Настя? – осторожно спросил он.

– А кто вы? И что вам от меня нужно? – забеспокоилась девушка.

– Ты Настя, – утвердительно произнес Федор, – а я твой брат дуплинский, Федора Федоровича сын.

– Федор? Из Дуплинки... – удивленно протянула девушка. – А фамилия ...

– Да Прокопенко я, как и твоя матушка – тетя Валя.

– А как ты здесь оказался? Ты же в Сибири...

Федор рассмеялся.

– Был в Сибири, а сегодня здесь, во Львове. Вот тебя отыскал... свою старшую сестру.

– Ах да, тебе же семнадцать, – смерив взглядом его рослую фигуру, Настя покачала головой. – Во вымахал, весь в отца и деда. Жив еще Федор Федорович?

– А что ему станется. Девяносто семь годков дедушке, а все на охоту ходит, не сидится ему на печи. А ты в материнскую породу пошла – маленькая, худенькая... но симпатичная, – улыбнулся Федор.

– Нашел симпатягу, – застеснялась девушка. – Да что мы на ходу-то разговариваем? Пойдем в дом. Я тебя накормлю, чаем напою. Вон какой большой! Такому много еды надо, – засмеялась Настя.

– А дома кто есть?

– Я одна. Мужчины мои на работу ушли, а я в сапожную мастерскую направлялась. Вчера отнесла ботинки мужа в ремонт. Я же замужем...

– Да я знаю, – отмахнулся Федор. – Тетя Валя деду писала из Сум и адрес твой львовский дала. Пригодился. Легко запоминается: Советская, 17.

– Сейчас, правда, не Советская, а Молодежная... Немцы как пришли, улицы и площади на свой лад переименовали.

– Настя, а можно, мы зайдем с улицы, а не со двора? Видишь ли, я не один. И человек, что со мной, будет волноваться, если меня долго не увидит. А так все ясно, я в гостях!

– Так ты не случайно во Львове оказался? – встревожилась Настя.

– Не буду врать, не случайно. Пойдем в дом, расскажу, что могу.

Говорили больше часа: Федор рассказывал о Дуплинке, о чудачествах деда, Настя – о жизни в Сумах, о своем муже Алексее, немного о свекре. Узнав о цели прихода двоюродного брата, предложила:

– Антон Васильевич сегодня обедает дома. Оставайся, подождешь. Поговоришь. Вам никто мешать не будет. У Алексея сегодня сложная операция, он весь день будет занят.

– Нет. Лучше я подойду к часу дня. – Федор встал из-за стола. – Тебя проводить до сапожника, сестричка? – улыбнулся он.

– Нет. Я уж как-нибудь сама. – И, улыбнувшись в ответ, заметила: – А ты кавалер, как я посмотрю! Девчонки, поди, табуном за тобой бегают?

– Не-а. Бояться, что обнимать начну и ненароком придавлю, – рассмеялся Федор.

Антон Васильевич Прохоров к появлению дальнего родственника отнесся настороженно.

– А это точно твой двоюродный брат? Не сочти за недоверие, время такое: сама понимаешь, война.

– Конечно же, брат! – вспыхнув до корней волос, воскликнула Настя. – Мы проговорили больше часа. Только родственник мог знать подробности о нашей семье. Да к тому же Федор во всем похож на деда. Федор Федорович приезжал к нам в гости в начале 37-го года. Копия. Только дед пошире в плечах будет, да борода по пояс, а у Федора волос еще еле пробивается. Ему ведь восемнадцати нет.

– Так, говоришь, на обед придет? Что же, познакомимся. За обедом и выясним, что за дела у него такие... – И Антон Васильевич углубился в чтение бумаг, что принес с собой.

Ровно в час раздался стук в дверь.

– Встречай гостя, – усмехнулся Антон Васильевич. – Точен, как немец.

Когда Федор вошел в комнату, Антону Васильевичу показалось, что гость заполнил собой все пространство. Осмотрев с ног до головы вошедшего, одобрительно произнес:

– Так вот каких мужиков земля сибирская рождает! Хорош! Хорош твой родственник, Анастасия! Ничего не скажешь, порода! Давай знакомиться, – протягивая руку, добродушно произнес он. – Антон Васильевич.

– Федор, – легонько пожимая докторскую руку, представился гость.

Ничего особенно в облике знаменитого львовского хирурга он не увидел: среднего роста, худощавый, седоволосый, одет в выдавший виды пиджак.

– Присядем, – предложил Антон Васильевич, показывая на диван. – Пока Настя с обедом старается, поговорим. Она мне сказала, что у вас есть дело ко мне?

– Да, Антон Васильевич. Дело непростое...

– Погодите, – остановил Федора хозяин. – Ответьте мне, вы как оказались во Львове?

– Самолетом, – неожиданно для себя открылся Федор. – Из Москвы...

– Дела-а, – удивленно протянул Антон Васильевич. – И что, в Москве меня знают? И Москву не смущает, что я работаю на немцев?

– Знают... и не смущает. Скрывать не буду, нам нужна ваша помощь. – Несколько помявшись, Федор продолжил: – Пока я не назвал причину, вы можете отказаться. Я уйду, и вы больше меня никогда не увидите.

– Нет уж, дорогой мой родственничек, назвался груздем – полезай в кузовок. Так что у вас за дело?

– До войны в университете читал лекции некто Арсений Лесковский. Преподавал немного и недолго. Он занялся научной работой, ему дали лабораторию, помощников... С приходом немцев его изыскания возобновились и активизировались. Мало того, его работа подходит к завершению. Знаете ли вы его? Или, может быть, слышали о нем?

– Увы, Федор, не имел чести знать этого человека... А чем он занимался?

– Лучше вам, Антон Васильевич, этого не знать. Дело секретное...

– Понимаю, понимаю... – Доктор встал с дивана, нервно заходил по комнате. – Вам очень нужен этот человек?

– Очень!

– Хорошо, заранее ничего не обещаю, но в ближайшее время постараюсь выяснить. Мне бы его фото... У вас, случайно, нет?

– Нет. До войны его работе не уделяли должного внимания, а сейчас немцы Лесковского тщательно охраняют.

– Да, ну ничего. – Остановившись, доктор неожиданно спросил: – А вам, Федор, правда нет восемнадцати?

– В марте будущего года исполнится. А что?

– Говорите вы хорошо, правильно, я бы даже сказал – зрело, не как десятиклассник.

– Так окончил десятый, – улыбнулся Федор. – Экстерном, – поправился он.

– Ну, раз школа позади, можно и по маленькой за знакомство. Ты как? – хитро прищутив глаза, предложил Антон Васильевич. – Перед обедом, я как врач, рекомендую. Анастасия, как с обедом?

Из-за дверного проема кухни выглянула Настя.

– Все готово! Прошу к столу!

2

Новый знакомый Олега не обманул. Принес полный комплект обмундирования и офицерскую шинель в придачу.

– За шинель надо доплатить, – безапелляционно заявил он и назвал сумму.

Не торгуясь, Самойлов отсчитал купюры.

– Нужда будет, ты знаешь, где меня найти.

– Слушай, – остановил торговца Олег, – а ты побрякушки немецкие достать можешь? Железный крест, например.

– Завтра ближе к вечеру, ближе к 17:00, принесу. Может, еще что надо? Могу «вальтер» достать... Кобура-то есть, а что в кобуру засунешь?

– Неси. Разоришь ты меня вконец, – сокрушенно произнес Самойлов.

– Не разорю, – довольно гыкнул торговец. – А коли есть золотишко, так и пулемет принесу. Нужен?

– Нет, – мотнул головой Олег. – Пока пистолетом обойдусь.

– Как знаешь.

Осторожно поглядывая по сторонам, торговец не спеша удалился по аллее.

И немецкая форма – три комплекта, и оружие – все немецкое, и даже документы были, но они находились в тайнике в полуразрушенном здании поселка при станции Протопоповка, и идти за ними сейчас, рискуя жизнями товарищей, полагаясь на случай, Самойлов не мог, так как операция находилась еще в самом начале. Прежде всего необходимо выяснить расположение лаборатории и найти Лесковского. Вернее, найти Лесковского, а через него выйти на лабораторию. Потому-то Олег и пошел на эти непредвиденные расходы, связанные с покупкой офицерской формы и оружия.

На квартире Самойлова ждали Сергей и Федор. По их лицам Олег понял, что встреча удалась.

– Докладывай, контакт установлен?

– Установлен, – выпалил Федор.

– А теперь не спеша, подробно, дословно передай разговор с доктором.

Выслушав Федора, спросил:

– Как твое мнение, не выдаст?

– Нет, – уверенно ответил Федор. – Предать нас – значит подставить невестку, а Настю Антон Васильевич любит, это точно.

– А поможет?

– Обещал. Через два дня приглашал на обед...

– Через два дня я наметил встречу с другом детства, – в раздумье произнес Самойлов. – Думаю, буду готов.

– Слушай, Старый, а может, не нужно торопиться? Если Прохоров выяснит про Лесковского, зачем нам Артур Берг? Обойдемся без него, – резюмировал Сергей.

– Решим позже. Все равно я намеревался с Артуром встретиться вечером.

– А как же комендантский час? Патрулей будет немало. Ведь после 18:00 останавливают всех, в том числе и офицеров, – возразил Федор.

– По вечерам Артур ходит ужинать в ресторан. Во всяком случае, вчера он там был. Прослежу еще и сегодня. А в ресторане документы не проверяют. Видимо, патрулю запрещено заходить в ресторан...

– А вдруг есть особый, офицерский патруль? Специально для таких случаев? – не унимался Федор.

– Да я как-то об этом не подумал...

– Слушай, Старый, чего ты торопишься? Через два дня какой будет день недели? – поинтересовался Сергей. – Правильно. Воскресенье. Ты думаешь, у немецких офицеров не бывает выходных или хотя бы немного свободного времени? Бывает. Они тоже люди, хотя и фашисты.

– Погоди, как же я забыл, – воскликнул Самойлов. – Ведь в воскресенье никто работать не будет. У католиков великий праздник – Рождество Христово. С раннего утра народ в костел потянется... и Артур тоже. Он же католик. Вот где с ним надо встречаться: или по пути, или в самом костеле.

– А что тебе даст эта встреча? Ведь он немецкий офицер... Друг другом... Возьмет и пристрелит, а то и того хуже – сдаст гестапо. – Сергей, все больше распаляясь, продолжил: – Ведь как-то он дослужился до капитана. Просто так звания не присваивают, тем более выходцам из Советского Союза, и на теплое место не назначают.

– Наверное, ты прав, – согласился Олег. – Я тоже думал об этом. Конечно же, время могло Артура изменить. Но полковник Воскресенский не зря указал на друга детства. Его возможности намного больше, чем Прохорова, и это надо использовать. Рискую только я один!

Два дня прошли незаметно. Сергей с Федором подключились к слежке за Артуром Бергом, но капитан почти не выходил из комендатуры: офицерское общежитие, комендатура, столовая, вечером ресторан и опять общежитие.

«Пожар устроить, что ли? Вот тогда бы все разбежались из здания, словно тараканы», – не раз возникала горячая мысль у Сергея, но, оценив расположение охраны и свои возможности, он остывал.

Утром группа Самойлова была в костеле. Несмотря на войну, верующих было много. Отдельной группой расположились немецкие офицеры. Они сидели на мраморных лавках, склонив головы, время от времени крестясь.

Разведчики расположились так, чтобы видеть друг друга. Федор и Сергей, не забывая прикладывать пальцы ко лбу, отслеживали Олега, который должен был подать сигнал, когда появится Берг. Но служба уже заканчивалась, а капитан не приходил.

«Неужели прождали напрасно, – терзался мыслями Самойлов. – Ведь Артур верующий и не мог пропустить в такой праздник службу!»

Но вот пастор в заключение благословил молящихся, и народ потянулся на выход. Олег тоже хотел было показать товарищам, чтобы уходили, как в костел вошел капитан Артур Берг – небольшого роста, крепко сбитый, светловолосый и сероглазый. Со дня расставания Артур изменился, но не настолько, чтобы быть неузнанным. Сев на скамью, он углубился в молитву. Рядом с ним тут же пристроился Олег. Положив ладонь на колено капитану, он тихо по-немецки произнес:

– Привет, Артур! Не забыл друга детства?

Капитан Берг вздрогнул от неожиданности и, повернувшись вполоборота, внимательно посмотрел на говорившего. Олег видел, как у Артура округляются от удивления глаза.

– Как? Откуда? Как ты здесь оказался? – почему-то по-русски прошептал он. – Ты и в немецкой форме... ничего не понимаю...

– Выйдем, – предложил Олег. – Не в костеле же нам объясняться.

Он не спеша поднялся, перекрестился и пошел к выходу. Артур последовал за ним, а следом за немецкими офицерами костел покинули Сергей с Федором. На выходе они оказались за спиной капитана Берга. Почувствовав угрозу, он обернулся.

– Не волнуйся. Это мои люди, – поспешил успокоить друга детства Самойлов. – Если ты не против, пройдемся.

– Не думал, что наша встреча будет такой, – с явным огорчением произнес Артур. – Сколько лет прошло, как нас развела судьба? Одиннадцать?

– Одиннадцать, – подтвердил Олег. – Нам было по шестнадцать, когда дядюшка увез тебя в Германию.

– В дружественную по отношению к Союзу Германию, – уточнил Берг.

– Да. Но сегодня, через одиннадцать лет, Германия напала на Советский Союз, и ты в форме капитана вермахта.

– Но и ты тоже в немецкой форме...

– Только в форме, – многозначительно произнес Олег. – А ты, как я посмотрю, быстро вырос до капитана. Карьере не помешало твое рождение в Союзе?

– Только в самом начале службы, – неопределенно пожал плечами Артур. – После смерти отца...

– Как! Герхард Фридрихович умер?

– А ты не знал? – удивился Артур.

– Да я через год после тебя уехал в Москву и больше не приезжал в Саратов. Так что извини, не знал.

– Так вот, – после паузы продолжил Артур, – после смерти отца дядя меня усыновил. А так как он второй раз женился на вдове, оказавшейся баронессой, я тоже стал важной персоной. Побывал во Франции, в Польше, сейчас Россия... А ты? Что с тобой? Как там тетя Маша, дядя Коля? У тебя еще сестра была, Сашенька, если мне не изменяет память.

– Да все нормально: живы-здоровы, живут в Москве, работают. Александра уже совсем взрослая, красавица, перед войной вышла замуж...

– А ты?

– Я замуж не выходил. Холост, – пошутил Олег и, чуть снизив голос, добавил: – Тоже капитан, и этим все сказано. Во Львове по делам.

– А не боишься, что я позову патруль? Вон стоят. Совсем близко...

– Не боюсь, – решительно произнес Олег. – Не успеешь и рта раскрыть, как тебе его тут же закроют мои ребята, и уже навсегда. Я не угрожаю тебе, Артур. Нет. Констатирую факт, который может свершиться.

– Верю. – И уже осуждающе Артур произнес: – Тоже мне, друг называется. – Помолчав, продолжил: – У тебя ко мне какое-то дело... Иначе бы ты не появился во Львове и не отыскал меня. Так?

– Все так. Не буду скрывать, очень надеюсь на твою помощь.

– Надеюсь, никого убивать не надо? – усмехнулся Артур.

– Нет, конечно. Нас интересует Арсений Лесковский...

– Поляк?

– Да, поляк. Преподавал в университете, занимался наукой. Теперь работает на вас в какой-то лаборатории. Мне нужно знать, где его найти и, по возможности, где располагается эта лаборатория.

– Чем он занимается?

– Физикой магнитных полей и, насколько мне известно, нейрофизиологией головного мозга.

– Вот как? – удивился Артур. – Не слышал про такого поляка. Я ведь офицер связи. Почти почтальон. Доставляю документы в Берлин и Варшаву. Два раза в месяц. Узнать о польском ученом, не привлекая к себе внимания, будет непросто, но я постараюсь.

– Знаю, что Лесковский любитель театра, бывает в оперном... Не часто, но бывает, – уточнил Самойлов.

– Если что узнаю, как сообщить?

– Я тебя сам найду. Ты только, когда в столовую обедать пойдешь, возьми в левую руку газету. Я буду знать, что ты что-то накопал...

Артур остановился и, внимательно глядя Олегу в глаза, предложил:

– Может, за встречу, за Рождество по маленькой... можно у меня в общежитии, можно в ресторане, он сегодня с утра работает...

– Рад бы, но поверь, не могу. В другой раз.

– Верю. – И, помолчав, добавил: – А все-таки ты изменился, Олег. Стал холодным и чужим...

– Что делать... Годы! Да и ты, Артур, уже далеко не тот наивный мальчишка, мечтающий подняться в небо. Землю вот топчешь, и землю-то чужую. Сказал не в упрек тебе, а как есть. До встречи.

Пожав друг другу руки, офицеры разошлись в разные стороны. Федор пошел за Самойловым, а Сергей – за Бергом, так, на всякий случай.

Федор с нетерпением ждал обеда. Ровно в 13:00 он постучал в дверь. Дверь открыла Настя, нарядная, пахнущая пирогами.

– С Рождеством! – вместо приветствия поздравила она Федора с праздником. – А я пироги затеяла... с капустой... ты проходи в гостиную. Антон Васильевич тебя ждет.

Прохоров был не один. Навстречу Федору из-за стола поднялся высокий, несколько сутуловатый молодой человек.

– Алексей, – представился он, – а ты – Федор. Настя все уши протарахтела про тебя. Брат-охотник, брат-сибиряк!

Поздоровавшись с Антоном Васильевичем, Федор сел на предложенный стул.

– Хотя сегодня и праздник, а в праздники делами заниматься грешно, но мы без того грешники, – улыбнулся Антон Васильевич. – Одним грехом больше, одним меньше – какая разница. – Усевшись поудобнее в кресло, продолжил: – Мне самому ничего узнать не удалось, но вот Алексей кое-что припомнил. Извините, Федор, мне от сына скрывать нечего. Я ему передал наш прошлый разговор. Говори, – кивнул он Алексею.

– Дело вот какое... – начал тот неуверенно. – Может, это и не то, что тебе нужно, но послушай. Полгода назад за мной приехали в госпиталь два офицера в черной форме и, приказав взять с собой инструменты и лекарства, увезли с собой. Ехали больше часа. В лесу, на речке Львовке, до войны была усадьба какого-то польского богатея. Вот туда и привезли. На охоте случайно подранили офицера. Рана так, пустяшная, в мякоть бедра. Пуля навывлет. Вот там-то я и услышал эту фамилию – Лесковский. Говорили, естественно, по-немецки, понял я мало что из их разговора, но раненый офицер в раздражении сказал немецкому полковнику, что если бы Лесковский не был так нужен, то он сам бы его пристрелил за эту охоту. И еще вот на что я обратил внимание: помимо двухэтажного особняка, огороженного добротной каменной оградой, за несколькими рядами колючей проволоки я увидел вытянутые метров на тридцать два кирпичных здания, почти без окон и, что особенно удивительно, вновь построенных. Это я к тому, что лбы у крыш этих зданий зашиты досками, а они еще не успели потемнеть. Я тогда подумал, с чего бы это немцам в лесу дома возводить. И еще вот что: перед особняком на растяжках висела антенна, и вся усадьба хорошо охранялась. В общем-то, и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.